

В. Д. СОКОЛЬСКИЙ

“НОВОРОССИЙСКАЯ
РЕСПУБЛИКА”

СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ
НОВОРОССИЙСКА
В 1905 ГОДУ

207336 ✓

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА-1963

2802 г. 3000000/5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша страна, первая в мире вступившая на путь коммунистического строительства, явилась родиной Советов рабочих и крестьянских депутатов, ставших с победой Великой Октябрьской социалистической революции органами диктатуры пролетариата, политической основой СССР.

Советы возникли в период первой русской революции. Они появились в ходе массовых политических стачек по собственному почину рабочих как беспартийные организации. Как отмечал В. И. Ленин, «эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самостоятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут»¹.

Революция 1905—1907 годов со всей остротой поставила вопрос о завоевании власти трудящимися массами. Советы рабочих депутатов, возникшие для руководства революционной борьбой масс, в дальнейшем при благоприятных условиях способны были заменить аппарат власти свергнутого самодержавия. В Советы должны были войти депутаты не только от рабочих, но также от матросов, солдат, беднейшего крестьянства, передовой интеллигенции.

Советы были непосредственной властью народа, подлинно народными органами, доступными и понятными большинству населения страны. Это были органы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 317.

самых масс как по форме, так и по содержанию. Советы, писал Ленин, были «именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в *функционировании*»¹.

Выборы депутатов в Советы были равными, всеобщими, прямыми и производились открытым голосованием на общезаводских собраниях или в цехах, а в некоторых городах прямо на митингах. Нормы представительства в Советах устанавливались самими рабочими. Право отзыва депутатов закреплялось уставом.

Величие Ленина состояло в том, что он в зачаточных органах, какими были Советы в 1905 году, с гениальной прозорливостью увидел новый тип демократии, высшим принципом которой стало вовлечение в управление страной массы рабочих и крестьян. Ленин подчеркивал: «Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти... Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли.— Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано»².

Советы 1905 года самим фактом своего появления дали практический ответ на вопрос: чем заменить свергаемую самодержавно-полицейскую государственную машину? Деятельность Советов свидетельствовала о том, что они способны были стать органами власти не только в период буржуазно-демократической революции, но и в период социалистической революции и после ее победы. Слом старого государственного аппарата и создание вместо него органов новой, рабоче-крестьянской власти — Советов составляют одну из главнейших отличительных черт социалистической революции.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 317.

² Там же, стр. 318—319.

В. И. Ленин уже в первой своей работе о Советах 1905 года — «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» — рассматривал их как зародыш временного революционного правительства, которое должно быть по своему классовому содержанию, по своей социальной природе революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В то же время победу буржуазно-демократической революции Ленин мыслил не как окончание борьбы пролетариата, а как переходную ступень к социалистической революции.

В 1920 году в статье «К истории вопроса о диктатуре» Ленин указывал: «Получился такой факт, что те основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года»¹.

Более пятидесяти Советов рабочих депутатов возникло в 1905 году в России. В ряде городов в них входили солдатские и крестьянские депутаты.

Новороссийский Совет рабочих депутатов возник в разгар декабрьской политической забастовки 1905 года. Совет стал не только органом восстания, но и органом новой, народной власти, причем некоторые особенности революционных событий в Новороссийске представляют исключительный интерес.

В отличие от других городов в Новороссийске рабочие захватили власть без вооруженной борьбы. Это не означает, однако, что мирное развитие событий не требовало революционного восстания. Наоборот, именно потому, что рабочие были вооружены и хорошо подготовились к боевым действиям, удалось избежать вооруженного столкновения с царскими властями.

Еще в ходе Октябрьской всеобщей забастовки вооруженные рабочие, организованные в боевые дружины, зарекомендовали себя как внушительную силу, с которой в случае столкновения придется считаться не только полиции, но и войскам. Вместе с тем, готовясь к восстанию под руководством большевиков, рабочие добились если не привлечения на свою сторону, то, можно

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 315.

сказать, нейтрализации значительной части местного гарнизона.

В то же время и среди крестьянства Черноморской губернии, центром которой был Новороссийск, быстро росли революционные настроения, готовность бороться за землю с оружием в руках. Во многих селениях возникали организации Крестьянского союза, их представители вошли в Совет рабочих депутатов¹.

В деятельности Новороссийского Совета также можно отметить некоторые особенности. Так, Совет обложил специальным налогом в пользу бастующих рабочих частные фирмы, предпринимателей, торговцев, чиновников, имевших годовой доход более тысячи рублей. Был учрежден народный суд для рассмотрения гражданских и уголовных дел. Таким образом, и в этом отношении история «Новороссийской республики» представляет особый интерес.

История Новороссийского Совета слабо освещена в литературе. К тому же в опубликованных работах при описании событий допущено много неточностей и искажений, недостаточно показана роль большевиков в руководстве революционной борьбой масс. Так, В. И. Невский в статье «Новороссийская республика» («Пролетарская революция» № 11(23) за 1923 год), некритически используя материал судебного следствия по делу «Новороссийской республики», преувеличивает роль местного купечества и городской думы в революционных событиях 1905 года.

В брошюре Н. Л. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республика» (Ростов-Дон, 1926) принажается значение революционного движения в Новороссийске. Не показывая борьбу большевиков за вооружение рабочих, за создание боевых дружин и их дея-

¹ Всероссийский крестьянский союз возник летом 1905 года под влиянием революционных выступлений рабочего класса. В. И. Ленин так оценивал этот союз: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков... но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы...» (Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334).

тельность по ликвидации старой власти, автор ошибочно утверждает: «В Новороссийске положение было таково, что Новороссийскому комитету РСДРП стоило лишь протянуть руку, чтобы взять власть. И под напором масс Комитет взял власть в свои руки» (стр. 55). Автор игнорирует острую борьбу, которую вели большевики с меньшевиками в Черноморском комитете РСДРП по вопросу об организации Совета рабочих депутатов и превращении его в организующий и руководящий центр вооруженного восстания.

В опубликованной в 1935 году работе П. Семеркина «Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказских краях» в основном правильно раскрываются события 1905 года в Новороссийске. Однако автор допускает ряд фактических ошибок в описании отдельных событий и также не показывает борьбу большевиков против меньшевиков в Черноморском комитете РСДРП.

Значительное количество документального материала о «Новороссийской республике» опубликовано во второй части сборника «Высший подъем революции 1905—1907 гг.» (М., 1955, стр. 572—640). Но, к сожалению, составители включили в сборник лишь материал первого судебного процесса, тогда как их было три, и события в Новороссийске во всех трех процессах освещены по-разному, приговоры обвиняемым каждый раз выносились различные.

Содержательные статьи, посвященные «Новороссийской республике», опубликовал в 1955—1957 годах В. Д. Сокольский¹. Они являются как бы подготовительными к настоящей маленькой монографии, работу над которой автор завершил незадолго до своей смерти.

Владимир Дмитриевич Сокольский родился в 1883 году. С юношеских лет он принимал активное

¹ В. Д. Сокольский, Новороссийский Совет рабочих депутатов в 1905 г., «Вопросы истории» № 12, 1955; «Три военно-судебных процесса по делу «Новороссийской республики» (1905 г.) и «Захват местной власти Новороссийским Советом рабочих депутатов в 1905 году», «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. LVI, 1955; т. LXXVI, 1957.

участие в освободительной борьбе народа против царского самодержавия. В 1904 году Сокольский вступил в РСДРП и стал профессиональным революционером.

В 1904—1905 годах по заданию партии Сокольский работает на Северном Кавказе. Здесь он становится одним из организаторов и руководителей «Новороссийской республики», созданной восставшими рабочими города. За революционную деятельность царский суд заочно приговаривает Сокольского к смертной казни.

Скрываясь от царских властей, Сокольский по заданию партии продолжал революционную работу в Москве, Двинске, Твери. От Тверской организации РСДРП был делегатом на V (Лондонском) съезде РСДРП. В 1909 году Сокольский вынужден был эмигрировать в Иран, где работал учителем русской школы вплоть до 1917 года.

Вернувшись на Родину после Великой Октябрьской социалистической революции, Сокольский отдает все силы делу народного образования. В годы гражданской войны он заведует в Самаре губернским отделом народного образования, затем избирается председателем губисполкома. В дальнейшем до конца своей жизни он вел преподавательскую работу в вузах. Правительством высоко оценило деятельность В. Д. Сокольского, наградив его орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Издаваемая посмертно работа В. Д. Сокольского «Новороссийская республика» представляет собой не просто воспоминания одного из участников описываемых событий, но серьезное научное исследование, основанное на многочисленных архивных материалах и периодической печати. Автор исправляет некоторые ошибки, допущенные историками при освещении деятельности Новороссийского Совета рабочих депутатов, и дает правдивое описание героической борьбы новороссийского пролетариата в 1905 году. События в Новороссийске рассматриваются не изолированно, а на фоне общероссийской революционной борьбы и в связи с ней.

В книге освещается экономическое развитие Новороссийска — административного и промышленного

центра Черноморской губернии, колонизаторская политика царизма, сопровождавшаяся насильственным выселением местных жителей в малопродуктивные горные районы. Автор рассказывает о положении рабочих и возникновении социал-демократической организации в Новороссийске, анализирует революционные выступления весной и летом 1905 года, всесторонне раскрывает борьбу новороссийских рабочих под руководством большевиков за низложение местной царской власти и провозглашение «Новороссийской республики». В книге показана деятельность Совета рабочих депутатов как органа вооруженного восстания и революционной власти, анализируются причины поражения «Новороссийской республики».

Однако ряд положений нуждается в некотором уточнении. Так, автор указывает, что в Новороссийске действовал помимо общегородского Совета рабочих депутатов районный Совет цементных заводов. Следует при этом уточнить, что это был районный комитет большевиков, который выполнял также функции Совета, проводил большую работу по созданию боевых дружин и оказывал решающее влияние на деятельность общегородского Совета рабочих депутатов.

Автор на протяжении всего изложения новороссийских событий в декабре 1905 года утверждает, что Исполнительный комитет Совета был большевистским и, действуя как орган народной власти, осуществил многие революционные мероприятия. Действительно, Совет (и его Исполком) выступал как революционный орган и сумел установить фактически свою власть в городе, образовав «Новороссийскую республику».

Совет успешно руководил общегородской забастовкой, оказывал помощь безработным, вместе с Черноморским комитетом РСДРП вооружал рабочих и создавал вооруженные отряды, установил контроль над промышленными предприятиями, транспортом, торговлей, ввел 8-часовой рабочий день и при помощи рабочих комитетов контролировал прием и увольнение рабочих. Однако состав Исполкома не был однородным. При проведении всех мероприятий большевикам постоянно приходилось преодолевать сопротивление

меньшевиков и эсеров, обладавших большинством в Исполнительном комитете. В состав Исполкома входило два большевика, один примыкавший к ним, два меньшевика и два эсера. В Совете также были меньшевики, эсеры и представители непролетарских слоев населения, хотя большую часть депутатов составляли большевики и поддерживавшие их беспартийные рабочие.

И все же Совет и его Исполком действовали как органы революционной власти. Это объясняется тем, что решающее влияние на деятельность Исполнительного комитета оказывала городская боевая дружина, которая находилась под руководством большевиков. Ее начальником был депутат Совета большевик Филипп Александрович Дубровин. Руководителем боевой дружины на цементном заводе «Цепь» был также большевик депутат Совета Василий Яковлевич Нененко.

Как правило, решения Исполкома Совета обсуждались на широких партийных собраниях и народных митингах, которые почти ежедневно созывались Черноморским комитетом РСДРП, во главе которого в декабре стояли большевики. Многие вопросы выносились на обсуждение Совета комитетом РСДРП. Именно потому, что вся деятельность Совета находилась под постоянным контролем рабочих и вооруженной дружины, меньшевикам и эсерам обычно не удавалось помешать осуществлению революционных мероприятий. Однако некоторые факты свидетельствуют о том, что рабочим не всегда удавалось преодолеть сопротивление меньшевиков и эсеров. Так, Совет не ликвидировал полностью органы старой власти, вследствие чего в городе образовалось двоевластие и первое время наряду с Советом рабочих депутатов по-прежнему действовали городская дума, воинский начальник, отделение государственного банка и все частные банки. Исполком Совета не принял энергичных мер по разоружению и ликвидации врагов.

Только 19 декабря¹ по распоряжению Исполкома Совета дружинники явились к начальнику Новороссийского округа и потребовали выдать им все оружие,

¹ Даты даются по старому стилю.

имевшееся в его распоряжении. Но оружие уже было отправлено в товарную контору железнодорожной станции под охрану казаков. На следующий день дружинники явились в городское полицейское управление, но и здесь оружия уже не оказалось. Совет, опираясь на вооруженную дружину, имел возможность арестовать вице-губернатора и его приближенных. И этого Совет не сделал. Вице-губернатор скрылся.

Для революционных рабочих создавалась благоприятная обстановка. Царские власти в Новороссийске были деморализованы. В распоряжении Совета имелась боевая дружина, в которой насчитывалось до 300 бойцов, вооруженных ружьями, и свыше 500, вооруженных револьверами и пиками. Было налажено производство бомб. Находившиеся в городе войска в большинстве своем были настроены революционно. Однако Исполком Совета под давлением меньшевиков не привлек их на свою сторону, ограничился лишь нейтрализацией солдат Майкопского батальона и добился самороспуска батальона казаков-пластунов, разбегавшихся по своим станицам. Совет даже не установил связи с сочувствовавшими рабочим матросами стоявшего на рейде броненосца «Три Святителя».

Меньшевики, выступая против вооруженного восстания, довольствовались представившейся им возможностью осуществить соглашение с либеральной буржуазией. Они выступили против установления союза рабочих и крестьян, помешали Совету рабочих депутатов организовать совместное выступление новороссийских рабочих с рабочими и крестьянами соседних Сочинского и Туапсинского округов. А между тем крестьяне близлежащих селений поддерживали Совет, признавая в нем своего вождя. Выступление вооруженных дружин за пределы города оказало бы неоценимую помощь восставшим рабочим, подкрепило бы революционные силы в Екатеринодаре, с которыми уже была установлена связь, а также способствовало бы усилению аграрного движения в этом районе. Но этого не произошло. Новороссийские меньшевики, а также меньшевики — члены Областного Донского и Союзного Северо-Кавказского комитетов РСДРП всячески

препятствовали объединению действий ростовских и новороссийских вооруженных рабочих и привлечению к восстанию кубанских казаков в Новороссийске и Екатеринодаре.

Наконец, автор указывает, что в руководстве Черноморским комитетом РСДРП преобладали меньшевики. Необходимо уточнить — только до декабря 1905 года, когда большевикам все же удалось взять руководство комитетом в свои руки.

История возникновения и деятельности Советов рабочих депутатов в 1905 году, ставших после победы Великой Октябрьской социалистической революции политической основой первого в мире государства рабочих и крестьян, до сих пор в исторической литературе изучена недостаточно. Книга В. Д. Сокольского о «Новороссийской республике» в известной мере восполняет этот пробел и является полезным вкладом в дело изучения истории рабочего класса нашей страны, создавшего впервые в мире Советы рабочих депутатов.

Н. Н. Демочкин

Г Л А В А I

НОВОРОССИЙСК НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ОТ «КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ» ДО ВСЕОБЩЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ 1905 ГОДА

Город Новороссийск расположен на берегу Черного моря, вдоль живописной вместительной бухты, которая не замерзает круглый год и благодаря большой глубине доступна для любых океанских судов.

В древности здесь находилась греческая колония, строительство современного города началось в 1838 году. В конце XIX столетия был построен порт, который в короткий срок стал одним из крупнейших в России по экспорту зерна¹.

После крестьянской реформы 1861 года началась колонизация края, причем туземное население принудительно выселялось в горные районы, а лучшие земли «жаловались» крупным чиновникам и аристократии «за полезную службу и заслуги перед троном». К концу 80-х годов богатый край, вмещавший 100-тысячное горское население, превратился почти в пустыню, равную по густоте населения степям, занятым кочевыми народами. Переселенцы-крестьяне плохо приживались, так как им отводились малопродуктивные земли и правительство не заботилось о путях сообщения, об устройстве водоснабжения и орошения осваиваемых районов. Непривычные для переселенцев климатические условия вызывали массовые заболевания. Денежные фонды,

¹ См. «Черноморский округ и его производительные силы», изд. Черноморского окружного экономического совещания, Новороссийск, 1923.

отпускавшиеся для содействия переселенцам, расходились по карманам чиновников правительственных «присутствий» и в качестве субсидий крупным землевладельцам¹.

Итоги колонизации могут быть иллюстрированы следующими фактами: в деревне Веселой, основанной в 1869 году, за шесть лет было водворено 98 семейств молдаван. Из них вымерло 29 семейств, ушло 28, осталось 41. В деревне Адлер с 1869 по 1876 год водворено 48 семейств. Вымерло 18, ушло 15, уцелело 15. Примерно такая же картина наблюдалась и в других поселениях.

Но интересы крупных землевладельцев требовали дешевой рабочей силы, и царское правительство принимает меры к усилению темпов крестьянского переселения. В 1896 году Черноморский округ выделяется в самостоятельную Черноморскую губернию. 31 марта 1897 года в целях «упорядочения» колонизации был издан закон о переселении в Черноморскую губернию, согласно которому земля отводилась в бессрочное пользование из расчета 3 десятины на мужскую душу, но не свыше 11 десятин на семью.

Но из-за неудобства отводимых участков и при убогом сельскохозяйственном инвентаре переселенцы не имели возможности полностью использовать полученную землю. Так, в деревне Раздольная, основанной в 1870 году, посев в среднем на семью составлял 2,27 десятины, покосы занимали 1,13 десятины; в деревне Навачинке — соответственно 1,9 и 1,8 десятины².

Население занималось хлебопашеством, садоводством, виноградарством, табаководством, пчеловодством и скотоводством. Хлебом собственного посева удовлетворялось не более 50 процентов потребности населения.

К концу 90-х годов до 70 процентов хозяйств не имели рабочего и другого скота. Это были «батраки с наделом». До 12 процентов крестьянского населения

¹ См. «Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области». Стат. сборник на 1922—1923 год. Труды Куб.-Черноморского областного статистического бюро, Краснодар, 1924.

² См. Краевский, К вопросу о колонизации Черноморской губернии, СПб., стр. 41—42, 42—45.

составляли батраки, совершенно не имевшие хозяйства. В то же время крупные землевладельцы располагали сотнями десятин, а в имении «Вардана», принадлежавшем великому князю Михаилу Николаевичу, насчитывалось 6 тысяч десятин. Большая часть этих земель была занята пастбищами, на которых выращивался молочный скот и овцы.

Вытеснение местного коренного населения с плодородных, веками осваиваемых земель, раздача лучших земель прекрасного солнечного края князьям, царским сановникам, спекулянтам, принудительное переселение русского и украинского населения на нищие наделы с целью обеспечения помещиков дешевой рабочей силой — «батраками с наделом» — такова была аграрная политика царского самодержавия в этом районе Черноморья.

Новороссийск стал особенно быстро расти после проведения железнодорожной ветки, соединившей его с Владикавказской железной дорогой, и сооружения порта с двумя молами, набережными и двухъярусными пристанями. При станции Новороссийск возникают железнодорожные мастерские и депо. Рядом со станцией сооружается чугунно-механический завод «Т-ва Маклерен, Фрейшист и К°». По мере развития нефтепромыслов в районе Грозного Новороссийск становится одним из главнейших пунктов по отправке нефти за границу. Недалеко от железнодорожной станции возник городок с нефтеперегонным заводом и нефтяными баками, соединенными с пристанями трубопроводами.

По восточному берегу бухты раскинулись цементные заводы «Общества Черноморского цементного производства» («Старый цементный завод», основан в 1882 году), акционерного общества «Цепь» («Новый завод», основан в 1898 году) и «Франко-русской компании портландского цемента в Геленджике» (основан в 1895 году).

Кроме указанных предприятий город имел рыболовные промыслы, паровую мельницу (Асланиди), пивоваренный, мыловаренный, кожевенный, колбасный заводы, бондарные мастерские, типографии и другие небольшие предприятия местного значения.

К началу XX века Новороссийск занимал второе место по экспорту хлеба среди южных портов России; там был самый большой в России элеватор, емкостью до 3 миллионов пудов зерна, с башнями, эстакадами, пристанями, амбарами, складами, вмещавшими помимо элеватора до 5 миллионов пудов грузов. Сотни иностранных кораблей входили в бухту, тысячи портовых рабочих обслуживали их погрузку и выгрузку. Рабочее население порта особенно возросло в зимний период в связи с замерзанием портов Азовского моря.

Предметом экспорта в основном являлся хлеб плодороднейших районов Кубани, Дона, Ставрополя и Терека. Для этих районов Новороссийский порт являлся подлинным «окном» в Европу.

В 1888 году Новороссийск посетило 26 судов дальнего плавания и 36 каботажных судов, а в 1895 году — уже 362 судна дальнего плавания и 324 каботажных. Из 362 пароходов и судов, посетивших порт, английских было 241, греческих — 36, французских — 32, турецких — 15, итальянских — 11, датских — 10, голландских — 3, бельгийских — 3, германских — 2, норвежских — 1, американских — 1.

В Новороссийске находились консул Турции, вице-консулы Великобритании, Греции, Дании, Германии и консульский агент Франции.

Население Черноморской губернии, по переписи 1895 года, составляло 57 478 человек, из них треть находилась в городах. Состав населения был крайне разнообразный: русские и украинцы (60 процентов), греки, армяне, грузины, молдаване, евреи, турки, немцы, эстонцы, французы и другие — всего 42 национальности. К 1 января 1904 года население возросло до 101 372 человек, а в 1905 году составляло уже 104 тысячи человек. Росла плотность населения. В 1897 году она составляла 7,5 человека на 1 кв. версту, а в 1914 году — уже 20,6 человека. По плотности населения Новороссийский округ (соответственно 33,6 и 73 человека на 1 кв. версту) стоял в одном ряду с наиболее развитыми промышленными районами Северного Кавказа.

Еще в 1897 году Черноморская губерния резко выделялась на Северном Кавказе соотношением городского и сельского населения, как это видно из следующей таблицы:

Области и губернии	Служба всех видов и вооруженной силы	Рантье и пенсионеры	Сельскохозяйственная работа	Промышленность и торговля
Донская область	63	16	786	135
Кубанская область	64	10	811	115
Черноморская губерния	203	24	461	312
Ставропольская губерния	31	10	867	92
Терская область	69	16	827	88

На 1 января 1896 года в Новороссийске проживало 22 319 человек, в 1904 году — уже 41 513, а к 1906 году — 43 180 человек (40 процентов всего населения губернии); 87 процентов всех рабочих губернии проживало в Новороссийске и составляло более половины взрослого населения города.

Центр города располагался на западном берегу бухты и был занят административными учреждениями, торговыми домами и особняками промышленников, экспортеров, торговцев, чиновников. Рабочее население ютилось на окраинах, в поселках Стандарт, Адамовича балка, Нахаловка, Мефодиевский, Станичка и других.

Условия жизни рабочих были крайне неблагоприятны. Показательным можно считать положение населения так называемой Адамовичей балки, где проживало большинство рабочих порта и цементных заводов. Земля здесь издавна была скуплена генералом Адамовичем, проживавшим в Петербурге. Он сдавал ее втридорога мелким арендаторам, которые возводили на ней убогие постройки и сдавали их внаймы рабочим.

Генерал Адамович через управляющего получал ежегодно доход с каждой десятины до 2400 рублей и ни копейки не тратил на благоустройство поселка, относя

это к обязанностям городской думы, так как Адамовича балка находилась в черте города. Но городская дума также не занималась благоустройством поселка, поскольку он находился на частной земле.

В поселке не было ни тротуаров, ни мостовых, ни фонарей для освещения, ни колодцев, ни выгонов для скота. Не было ни одной школы. Царский сатрап безжалостно выдворял неугодных ему арендаторов в любое время. Жители поселка неоднократно обращались и к генералу Адамовичу и к городской думе, но безрезультатно. От непомерно высокой арендной и жилищной платы, от антисанитарных условий страдали хозяева убогих построек, мучились съемщики квартир и рабочие.

Мировой промышленный кризис начала XX века, охвативший и Россию, отразился и на Черноморской губернии. Закрылись многие предприятия, увольнялись рабочие.

Переполнились безработными ночлежки и землянки в ущельях гор. Понизилась заработная плата работающих.

В 1905 году заработная плата поденных ремонтных рабочих на железной дороге составляла 80 копеек, в железнодорожных мастерских — 1 рубль; сцепщики и кондуктора получали ежемесячно от 18 до 25 рублей. На цементных заводах поденщики получали 75—90 копеек.

Условия труда сдельщиков на цементных заводах были крайне тяжелыми. Один рабочий при отсутствии какой-либо механизации должен был выломать и погрузить в день до 1200 пудов камня. У работавших на печах и особенно на упаковке цементная пыль быстро разрушала здоровье. Продолжительность рабочего дня была 12 часов.

Не лучше было положение портовых и амбарных грузчиков, получавших на крайне тяжелых и напряженных работах до 1 рубля 25 копеек за рабочий день. Женщины, занятые починкой мешков, так называемые швачки, получали 60 копеек за 12-часовой рабочий день.

Заработной платы рабочим Новороссийска не хватало на самое необходимое. Жизненные припасы стоили

там значительно дороже, чем на Кубани, на Дону и тем более в Ставрополье. Многие рабочие, даже имевшие постоянную работу, не могли позволить себе снять хотя бы угол и ютились под баркасами на берегу или в кварталах «Трапезунда» — в землянках в ущельях гор.

На положении черноморского крестьянства и батрачества отразился неурожай 1904 года.

Тяжелое экономическое положение рабочего класса и крестьянства и общий политический гнет усугублялись для многочисленных народностей Черноморья царской политикой национального угнетения. Остро ощущались народом и последствия войны с Японией.

Какова же была расстановка классовых сил в Новороссийске и губернии накануне революции 1905—1907 годов?

В Черноморской губернии не было земства и дворянской организации с предводителем дворянства. Административно-полицейский аппарат, возглавляемый губернатором и вице-губернатором, непосредственно представлял интересы господствующего класса. Их опорой являлась полиция, жандармы и военный гарнизон.

Под покровительством правительственной администрации организовалась черная сотня, в руководстве которой активное участие принимали также реакционные гласные городской думы и часть духовенства.

Отечественную и иностранную буржуазию: промышленников, экспортеров и импортеров, местных торговцев — возглавляли биржевой комитет и городская Дума.

Новороссийская городская дума по своему составу не была однородной. От статского советника — погромщика, организатора черной сотни — и его соратников до гласного — врача, дававшего в своем доме приют подпольщикам-революционерам, конечно, была дистанция большого размера. Но наличие сильного правого и небольшого радикального крыла не препятствовало городской думе проводить на всем протяжении революционных событий 1905 года свою линию. Это была линия стоявшего за думой биржевого комитета, где представляли крупнейшие отечественные и иностран-

ные капиталисты. В биржевом комитете господствовало **влияние** иностранного капитала, диктовавшего свою волю купеческой думе.

Наличие иностранцев в среде промышленников, экспортеров и импортеров, непосредственные **заграничные** связи отечественных капиталистов не могли **не** наложить особого отпечатка на либерализм **гласных** городской думы в направлении большей политической активности по сравнению с российским либерализмом вообще. Либеральные гласные городской думы и некоторые представители цензовой интеллигенции (хотя и немногочисленной в Новороссийске) были объединены в особый кружок, ставший ядром организовавшейся в 1905 году небольшой группы конституционно-демократической партии. Ее руководителем был городской голова Никулин. Рупором группы была единственная в городе газета «Черноморское побережье», издававшаяся либералом Леонтовичем.

Рабочие Новороссийска в основном группировались на цементных заводах (до 2 тысяч человек), на железной дороге (до тысячи), в порту (свыше 4 тысяч) и на рыболовном промысле (до тысячи). Ведущую роль в революционном движении играли рабочие цементных заводов. Господствующее влияние среди них имела социал-демократическая организация, насчитывавшая в начале 1905 года до 100, а к ноябрю 1905 года — до 450 членов.

Новороссийская социал-демократическая группа составляла больше половины всех членов Кубанской организации РСДРП и занимала в ней особое положение. Внутри объединенной социал-демократической организации росла и крепла группа большевиков.

Среди крестьян-переселенцев и местного **населения** беднота и батраки составляли до 80 процентов. В губернии имелись организации Крестьянского союза.

Городская мелкая буржуазия была **представлена** главным образом мелкими торговцами, **содержателями** харчевен, винных лавочек и т. д.

Партия социалистов-революционеров имела **слабое** влияние в городе и деревне. В развернувшихся **событиях** она не играла какой-либо самостоятельной роли.

Как сложатся в наступающие годы «великой бури» отношения между отдельными социальными группами и их партийными организациями, зависело от правильности тактической линии социал-демократии, степени сознательности и организованности рабочих, их связи с крестьянством и частями армии, от координации революционного действия в центре и на местах.

Начало социал-демократического движения в Новороссийске относится к концу 90-х годов. В 1898 году создаются первые социал-демократические кружки железнодорожников. С 1900 года рабочие под руководством социал-демократов ежегодно отмечают праздник 1 Мая массовками в ущельях гор. Начало XX века ознаменовалось новыми революционными выступлениями: в 1902—1903 годах происходят забастовки в железнодорожных мастерских, в порту и на **цементных** заводах. Хотя они и не дали практических результатов, но послужили стимулом к дальнейшей организации рабочих.

К 1905 году в Новороссийске существовала социал-демократическая группа. В то время Кубанский комитет РСДРП объединял ряд местных организаций Кубанской области, Ставропольской и Черноморской губерний: Екатеринодарскую, Майкопскую, Ейскую, Кавказскую (станции и ж.-д. станции), Армавирскую, Ставропольскую (городскую), Новороссийскую, Геленджикскую, Сочинскую и другие.

«Кровавое воскресенье» всколыхнуло рабочие массы Новороссийска. В течение зимы и весны 1905 года среди цементников, железнодорожников и грузчиков порта систематически работало несколько кружков, из которых вышли руководители массового движения в последующих событиях: слесарь Антон Зелень, маляр Филипп Дубровин, Дмитрий Полторацкий, Франц Шмидт, Игнатий Жиргулевич, Василий Нененко, Л. Зварич и другие рабочие.

Рост революционных настроений среди рабочих нашел яркое выражение в майской демонстрации 1905 года.

Опираясь на решение рабочих кружков, большевистская часть руководства Новороссийской социал-

демократической группы настояла на организации массовой первомайской демонстрации. (Меньшевистская часть группы предлагала ограничиться одной массовой в горах.)

Социал-демократическая группа заблаговременно и тщательно подготавливала майское выступление. В первой половине апреля во всех социал-демократических кружках с участием сочувствующих рабочих были сделаны доклады о праздновании 1 Мая. Рабочие кружки цементников, грузчиков и железнодорожников вынесли решение о проведении массовой демонстрации в центре города.

Архивные материалы свидетельствуют, что вице-губернатор А. Березников узнал о подготовке к демонстрации из двух источников: от жандармской агентуры и от городского головы А. Никулина, который в отношении от 13 апреля 1905 года за № 1968 ходатайствовал от имени частного совещания гласных городской думы о принятии «возможных мер к предупреждению могущих быть беспорядков и охране жизни и имущества жителей». Никулин не решился поставить этот вопрос на заседании городской думы, так как опасался испортить свою репутацию «либерала».

Березников 15 апреля сообщил департаменту полиции, что телеграммой начальнику Кубанской области он вызвал со станции Крымская сотню казаков Урупского полка, так как, по имеющимся сведениям, 1 мая можно ожидать «нарушений правильного течения жизни». О том же Березников одновременно доносил командующему войсками Кавказского военного округа.

Меньшевики, недовольные революционной инициативой рабочих кружков, самоустранились от подготовки массовой демонстрации. Все подготовительные работы были проведены большевиками.

27 апреля поздно вечером состоялась массовка в горном ущелье. По горным тропинкам были расставлены патрули, по паролю пропускавшие приглашенных. Собралось до 500 рабочих. Речь о международном рабочем празднике 1 Мая была произнесена представителем Новороссийской социал-демократической группы — руководителем рабочих кружков цементников,

грузчиков и железнодорожников¹. Он призвал присутствующих принять участие в первомайской демонстрации в центре города. Ответом были пламенные выступления рабочих. Участники массовки единодушно решили принять участие в демонстрации 1 Мая и провести двухдневную забастовку.

28 апреля днем была назначена летучка у ворот депо и железнодорожных мастерских. После гудка рабочие социал-демократы остановили своих товарищей и стали раздавать прокламации с призывом к первомайской демонстрации. Оратор произнес речь о предстоящем празднике. Казаки примчались галопом, но летучка успела разойтись. Обошлось без жертв.

В тот же день вечером в городскую думу явилась делегация рабочих во главе с представителем социал-демократической группы. В это время дума под председательством Никулина обсуждала текст ходатайства на имя царя о желательности некоторого расширения ее прав в области городского хозяйства. Ходатайство заканчивалось изъявлением преданности трону. В зале заседания присутствовало много горожан.

Появление рабочих было неожиданным и вызвало оживление среди публики и замешательство среди гласных. Одни со страхом, другие с интересом ждали чего-то необычного.

По окончании речи одного из гласных представитель рабочих попросил слова. Городской голова отказал. Тогда представитель рабочих, встав на стул, произнес речь; он охарактеризовал поведение думы как позорное лакейство, огласил программу-минимум РСДРП и призвал всех, кто хочет честно служить народу, поддержать ее.

Никулин не посмел прервать оратора. Уже в начале речи он покинул председательское место и устремился в свой кабинет. Гласные поспешно разошлись. Вызванный Никулиным по телефону наряд полиции и казаков во главе с полицеймейстером «виновников» небывалого события не застал.

¹ По-видимому, речь идет об авторе настоящей книги В. Д. Сокольском.—Ред.

Рабочая демонстрация в думе произвела **большое** впечатление на жителей города, пробудила у них **интерес** к политической жизни. Она не имела ничего общего с меньшевистским планом «земской кампании». Большевики хотели придать демонстрации рабочих в **городской** думе характер поддержки либеральной «оппозиции», но они не нашли поддержки в рабочих кружках.

Большевики вели революционную работу и среди солдат. 29 апреля на морской набережной в винной лавочке в особой комнате с ведома хозяина собралось до 10 солдат и унтер-офицеров местного военного гарнизона. По набережной прогуливались рабочие, охранявшие это небольшое, но очень ответственное собрание. Для конспирации хозяин поставил на стол бутылки и стаканы. Беседа велась о рабочем празднике 1 Мая, о союзе рабочих с крестьянами в борьбе за свободу и землю. С большим вниманием слушали крестьяне, одетые в солдатские шинели, свободное революционное слово.

На вопрос, как поведут себя солдаты их батальона, если рабочие 1 Мая выйдут на демонстрацию, взявший слово старший унтер-офицер сказал, что солдаты, конечно, не смогут примкнуть к демонстрантам. Однако он заверил, что солдаты не выйдут из ворот казармы для подавления рабочей демонстрации, даже если бы им приказали. Начальник гарнизона, заявил унтер-офицер, зная настроение солдат, не решится дать такой приказ.

Так настойчиво, организовано, планомерно, опираясь на рабочие социал-демократические кружки, большевики готовили массовую демонстрацию 1 Мая.

Местные власти, будучи осведомлены о подготовлявшейся демонстрации, принимали меры, чтобы не допустить ее. Буржуазия с тревогой ожидала 1 Мая. В некоторых особняках крепче прилаживали ставни на окнах.

В ночь на 1 Мая в квартире учительницы Сотирь состоялось экстренное заседание руководителей социал-демократической группы с участием руководителей группы эсеров. Товарищ, стоявший во главе всей подготовки, доложил о проведенных мероприятиях

и заявил к ужасу меньшевиков, что рабочие цементных заводов и грузчики восточных **пристаней** постановили выйти на демонстрацию с оружием — револьверами. Большевики были поставлены перед фактом. Отменить вооруженную демонстрацию было уже невозможно, до нее оставалось несколько часов. Над городом уже поднималась заря.

Тревожно провели эту ночь казаки Урупского полка, на которых возложена была задача подавления рабочей демонстрации. Рано поднялись в то утро рабочие. Дружинники проверяли исправность оружия.

Сбор демонстрантов был назначен на 10 часов утра на базаре, среди лотков мелких торговцев, недалеко от Серебряковской (центральной) улицы города. Незаметно стягивались сотни демонстрантов. Продавцы были приятно удивлены необычным наплывом «покупателей». Неожиданно для непосвященных по сигналу руководителя на высоком древке развернулось красное знамя и все услышали клич: «Долой самодержавие!» На базаре началась паника. Раздались полицейские свистки, но демонстранты — цементники, грузчики, железнодорожники — плотной стеной встали вокруг знамени.

После краткой речи представителя социал-демократической группы демонстранты вышли на Серебряковскую улицу и построились в колонну. Ярко, празднично освещало солнце город и обрамляющие его горы.

Колонна демонстрантов двинулась вверх по Серебряковской, туда, где были **расположены** правительственные учреждения, городская дума и особняки богатеев. Впереди как пламя горело и колыхалось большое красное знамя с надписью: «Да здравствует 1 Мая!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Знамя нес молодой рабочий-грузчик «Давид». Его глаза горели, лицо было озарено вдохновением. Рядом с ним шли вооруженные рабочие, которым выпала честь охранять революционное знамя. Часть вооруженных рабочих шла по бокам и сзади колонны для охраны ^{от} возможного налета врага. Мощно звучал революционный гимн «Отречемся от старого **мира....**», подхваченный сотнями голосов.

Вдруг послышалось цоканье копыт и из переулка в бок колонне демонстрантов вылетела сотня казаков.

По команде руководителя демонстрации был дан залп из револьверов в воздух. Это было неожиданно для казаков. Они беспорядочно повернули коней обратно. Командир не смог остановить отступление и скакал за сотней сади. Казаки больше на улицах города не появлялись. Полицейские посты как будто смыло с улиц морской волной.

Колонна останавливалась у городской думы, у правительственных учреждений. Произносились революционные речи.

— К тюрьме! — раздались возгласы демонстрантов. — Освободим политических!

Шествие повернуло к тюрьме. Губернатор, опасаясь полного разгрома тюрьмы, поспешно дал распоряжение об освобождении социал-демократа, арестованного накануне. Появление в рядах демонстрантов выпущенного из тюрьмы товарища подняло общее настроение.

1 мая закончилось торжеством рабочих. 2 мая заводы и фабрики не работали. Такого оборота не ожидали ни правительственные власти, растерявшиеся перед революционным выступлением рабочих, ни сами руководители демонстрации.

Демонстрация показала рабочим и всему населению города силу организованности рабочего класса, руководимого социал-демократической партией, и имела большое значение для последующих революционных событий в Новороссийске.

Рабочие железнодорожных депо, мастерских и элеватора бастовали и 3 мая. Они предъявили администрации ряд требований, в том числе: 1) неприкосновенность личности всех рабочих депутатов и ораторов; 2) свобода стачек, союзов и собраний; 3) 8-часовой рабочий день; 4) предоставление права рабочим самим устанавливать время начала и окончания работы и перерывов в рабочем дне; 5) увеличение заработной платы на 20 процентов для всех рабочих железной дороги и установление платы чернорабочим не менее 1 рубля, молотобойцам — не менее 1 рубля 20 копеек в день; 6) вежливое обращение всех начальников с рабочими;

7) бесплатное обучение детей рабочих; 8) немедленное учреждение библиотеки и читальни при каждом предприятии или одной общей; 9) начальствующие лица не имеют права принимать и увольнять рабочих; это право передается самим рабочим; 10) все мастерские поставить в лучшие гигиенические условия; 11) выдача квартирных денег: семейным — 10 рублей, холостым — 5 рублей в месяц. Были выставлены и другие требования.

Первомайская демонстрация и последующие выступления рабочих способствовали подъему революционного движения крестьян, а также части солдат и матросов. Происходит дальнейший рост и организационное укрепление местных социал-демократических групп, объединявшихся Кубанским комитетом РСДРП. Упрочивались их связи с широкими массами рабочих, возникали крестьянские организации, завязывались связи с войсковыми частями.

В связи с вставшими задачами Кубанский комитет РСДРП в начале июля 1905 года созвал в Екатеринодаре съезд представителей местных социал-демократических групп. Съезд конституировался как Северо-Кавказский краевой Союз РСДРП и избрал Краевой комитет. Наиболее сильные местные социал-демократические группы были преобразованы в комитеты РСДРП, в том числе: Новороссийская группа — в Черноморский комитет РСДРП, Екатеринодарская группа — в Кубанский комитет, Ставропольская группа — в Ставропольский комитет и Армавирская группа — в Армавирский комитет РСДРП.

Социал-демократическая организация Северо-Кавказского Союза была объединенной. Большинство в Краевом комитете принадлежало меньшевикам, но большевикам, опиравшимся на местные рабочие организации, в решительные моменты событий 1905 года удавалось проводить свою революционную, ленинскую линию, преодолевая организационный и тактический оппортунизм меньшевиков.

Основной опорой большевиков Северо-Кавказского Союза во время революции 1905 — 1907 годов были Черноморская и Армавирская организации РСДРП.

Лето 1905 года характеризуется дальнейшим подъемом революционного движения в стране: массовыми политическими стачками и демонстрациями рабочих, усилением крестьянского движения, вооруженными столкновениями народа с полицией и войсками, волнениями в отдельных частях войск.

В этой обстановке среди рабочих станции Кавказская в связи с тяжелым материальным положением и полным политическим бесправием возникает мысль о призыве ко всеобщей забастовке на Владикавказской железной дороге. Партийная группа РСДРП станции Кавказская поставила вопрос об этом перед Кубанским комитетом РСДРП.

Получив одобрение, партгруппа созвала вечером 26 июля массовый митинг рабочих и служащих станции Кавказская. Он состоялся тайно в окрестностях станицы. Пришли сотни рабочих, с женами, с детьми.

Вопрос о забастовке обсуждался долго. Все выступавшие высказывались за забастовку. Приступили к голосованию, предоставив право голоса и женщинам. На голосование было поставлено два предложения: 1) призвать к забастовке, 2) воздержаться от забастовки. Единогласно решили бастовать. Тогда был поставлен вопрос о времени забастовки: бастовать немедленно или через две недели (11 июля), чтобы иметь возможность снестись с товарищами по всей линии Владикавказской железной дороги. Столь же единодушно решили начать забастовку 11 июля.

Уполномоченные Кубанского комитета были отправлены по всем основным пунктам дороги: в Тихорецкую, Ростов, Армавир, Минеральные Воды, Баку, Новороссийск.

11 июля с утра рабочие станции Кавказская остановили поезд, шедшие из Ростова-на-Дону и из Баку; машинисты были сняты с паровозов. Движение прекратилось. Забастовка расширялась, замерло движение и работа по всей линии Ростов-на-Дону — Баку.

Забастовка сразу же приняла политический характер.

15 июля в 9 часов утра к общей забастовке на Владикавказской железной дороге присоединились рабо-

чие новороссийских железнодорожных мастерских и депо. Их поддержали грузчики порта и рабочие цементных заводов. В связи с начавшейся забастовкой поденные рабочие пристаней в принятом ими постановлении писали: «Мы, рабочие пристаней, чувствуем всю тяжесть на себе от наших капиталистов-эксплуататоров. Нас теперь довели до крайних пределов. Мы при таких условиях труда живем голодные и холодные, а потому заявляем, что так жить мы не можем, вследствие этого требуем:

- 1) установить 8-часовой рабочий день;
- 2) увеличить поденную плату от 2 руб. 20 коп. до 3 руб.;
- 3) устроить теплое помещение, где можно в ненастную погоду ожидать начала работы и не быть под дождем и под ветром норд-оста;
- 4) осуществить обязательное страхование рабочих за счет хозяев и немедленно организовать бесплатную медицинскую помощь;
- 5) ежегодно выдавать 12 бесплатных билетов для проезда по Владикавказской железной дороге и один билет по всем российским дорогам;
- 6) открыть бесплатную баню;
- 7) разрешить всем рабочим проводить собрания для обсуждения своих вопросов;
- 8) никто не может быть арестован или отстранен от работы за участие в стачке;
- 9) созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования;
- 10) установить за сверхурочные работы двойную плату».

Рабочие железнодорожных мастерских, депо, элеватора требовали 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда, устранения жандармов и полиции от участия в приеме и увольнении рабочих и служащих, провозглашения свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, созыва Учредительного собрания.

Стачкой руководил Черноморский комитет РСДРП, а также уполномоченные Краевого комитета Северо-Кавказского Союза РСДРП.

В течение четырех дней рабочие собирались на горке близ железнодорожных мастерских для обсуждения положения дела. Петиции, поданные рабочими администрации и губернатору генералу Трофимову, приняты не были. На телеграммы, посланные управляющему Владикавказской железной дорогой и министру путей сообщения, последовал лишь грозный окрик. Забастовка продолжалась, протекая организованно.

19 июля рабочие, находившиеся на горке близ железнодорожных мастерских, услышали свисток паровоза пассажирского поезда. Администрация решила с помощью штрейкбрехеров сорвать забастовку и начать движение поездов. На станции собралась администрация дороги, жандармский ротмистр и другие представители правительственной власти. В укрытии наготове стояли рота солдат и сотня казаков.

Чтобы воспрепятствовать открытию движения, рабочие бросились на железнодорожное полотно. Одни стояли, другие сидели, лежали.

Машинист под охраной казаков довел поезд до стрелки. Не решаясь вести поезд по живым людям, тихо попятил его назад, к станции.

Тогда по распоряжению жандармского ротмистра в действие вступили казаки. С гиком, с ружьями наперевес они бросились на спокойно расположившихся на железнодорожном полотне людей. Послышались залпы. 19 человек было убито и 36 ранено, десятки рабочих были арестованы. Казаки избili железнодорожного врача и санитаров, шедших на помощь истекавшим кровью раненым.

На третий день после расстрела рабочие организовали похороны погибших за общее дело товарищей. Хоронили их в братской могиле с пением революционных песен. Священника, присланного совершить церковный обряд погребения, попросили удалиться.

Новороссийские сатрапы пытались оправдать расстрел рабочих тем, что они якобы первыми напали на казаков. Но эта легенда опровергается показаниями командира казачьей сотни Безродного: «По прибытии моей сотни я отдал ей приказание не допустить толпу воспрепятствованию пропуска почтового поезда № 8.

Предвидя движение толпы, я приказал взводу спешиться и выдвинуть винтовки. Это оказало действие, послышались крики: «Братцы, товарищи, садись, не пустим поезда, пусть идет по нашим телам». Все начали садиться один за другим на путях...

Из толпы вышел высокого роста мужчина; он, сняв шапку... обратился к казакам со словами: «Братцы, казаки, православные христиане, неужели вы будете стрелять и идти по нашим трупам? Мы молимся единому богу. Нам надоело страдать, как мы страдаем, мы сидим без хлеба, голодные, над нами издеваются».

Вскоре вышел из задних рядов толпы сухощавый, невысокого роста субъект, похожий на арестованного впоследствии мастерового, который начал говорить: «Казачки, да неужели вы нас убьете, у вас есть сердце, у вас есть жены, дети, вы под таким же гнетом, как и мы, так избавимся же вместе от этого гнета, так стойте за нас; нас дорога давит, и вы от того же не избавлены». Сняв шапку, он поклонился. Тут явился начальник жандармского отделения ротмистр Мальдонато. Обращаясь ко мне, ротмистр сказал: «Г-н подъесаул, прошу Вас принять меры для прохода поезда, разогнать толпу с путей, каким способом найдете возможным». Получив такое распоряжение, я приказал сотне следовать за мной в колонне. Перестроив сотню, я повел ее наметом с гиком на толпу...»

Таким образом, даже непосредственный исполнитель кровавого задания не решается оправдывать свои действия выдумкой о нападении рабочих на казаков.

Фельдшер железнодорожной больницы Безпрозванный в своих воспоминаниях об этих событиях впоследствии писал: «19 июля утром мы, весь персонал 12-го врачебного участка станции Новороссийск, были на службе, как вдруг раздался выстрел. Доктор приказал брать носилки, перевязочный материал и итти на вокзал. Но толпа бросилась в приемный покой с криком: «Скорее бегите спасать наших детей и мужей на пути близ депо».

Мы все направились по 4-й траншее к путям, но были встречены казаками с криком: «Руки вверх, ни

с места!» Нам пришлось бросить носилки и материал и остановиться, несмотря на крики раненых о помощи. Казаки все были поголовно пьяны, и один из них нанес удар в грудь прикладом доктору Дейбель за то, что доктор приказывал скорее нести раненых в боль-

ницу.¹ После кровавых событий 19 июля железнодорожники Новороссийска продолжали борьбу вместе со всеми рабочими Владикавказской железной дороги

до 26 июля. Выступление рабочих было разгромлено, но события 19 июля провели глубокую борозду в сознании новороссийских пролетариев. «Мы просили хлеба, нам дали пули», — говорили даже те рабочие, которые прежде равнодушно относились к политике.

Расстрел мирной толпы потряс все население города, вызвав среди трудовой его части глубокое сочувствие к рабочим и возмущение действиями царских

придворников. Буржуазия испытывала большую тревогу, опасаясь, что возмущение рабочих может вылиться в разгром складов и амбаров с многомиллионными ценностями экспортных и импортных грузов. Чтобы предотвратить выступление рабочих, городская дума встала на путь маневрирования. 20 июля в 8 часов вечера при небывалом стечении публики состоялось экстренное заседание думы для обсуждения событий 19 июля.

В обстановке общего политического подъема в стране и негодования огромного большинства населения города дума не могла не выразить протеста по поводу событий 19 июля. Дума постановила: 1) ходатайствовать перед кем следует об участии в предварительном дознании и предварительном следствии по делу 19 июля пяти представителей Новороссийской городской

думе; 2) поручить городской управе оказать семьям пострадавших немедленную помощь в пределах возможности по средствам города;

¹ «Воспоминания Безпрозванного». «Красное Черноморье» № 281, 1925.

3) выразить презрение казакам за их дикую жестокость и ходатайствовать перед губернатором об их удалении из города;

4) еще раз ходатайствовать перед Советом гг. министров о скорейшем созыве народных представителей¹.

Постановление городской думы, рассчитанное на успокоение населения, было насквозь лживым и оказывало услугу правительству. Думе было прекрасно известно, что предварительное дознание и предварительное следствие велось не по делу вдохновителей, организаторов и исполнителей кровавого преступления 19 июля, а по делу арестованных и раненых рабочих, по обвинению их в участии в противоправительственных действиях. Дума не потребовала освобождения арестованных рабочих и назначения следствия по поводу преступления агентов правительственной власти. Выразив презрение казакам, городская дума не решилась даже упомянуть главных вдохновителей и организаторов расстрела рабочих — губернатора Трофимова и его ближайших агентов.

Ходатайствуя перед Советом министров о скорейшем созыве народных представителей, дума играла на руку правительству, сея иллюзии о возможности мирного разрешения стоявших перед страной политических задач, и отводила общественное возмущение в русло покорного ожидания от царского правительства каких-то мероприятий.

Постановление о помощи семьям пострадавших рабочих, намеренно сформулированное крайне туманно: «в пределах возможности, по средствам города», было рассчитано на успокоение рабочих и общественного мнения. Оно осталось на бумаге и в жизнь проведено не было.

Городской голова Никулин обратился к рабочим со специальным воззванием, в котором, «пользуясь случаем», счел необходимым «довести до сведения рабочих железнодорожных мастерских, что они будут приниматься на службу все, не обращая внимания на степень активности участия в забастовке, как о том

¹ См. «Черноморское побережье», 21 июля 1905 г.

заявил заведующий коммерческим агентством г-н Губский¹ и это обещание не было выполнено. Это был сознательный обман рабочих. Активные участники забастовки были вновь приняты на работу лишь в революционные дни октября 1905 года.

Царские агенты пытались исподтишка организовать поджоги товарных складов, но поджигатели вылавливались самими рабочими. Пролетарии, сжав кулаки, сумели сохранить выдержку и готовились организованно к новым боям под руководством своей партии.

Летом 1905 года усиливается работа среди крестьянства. Возникают **социал-демократические** кружки в ближайших к городу селениях: в Кабардинке, в Геленджике. Устанавливается связь черноморских организаций **РСДРП** с местными организациями Крестьян-

ского союза. В результате событий 19 июля и подавления июльской железнодорожной забастовки Новороссийская партийная организация серьезно пострадала. Черноморский комитет во главе с профессиональным революционером бывшим народным учителем **Н. С. Митягиным** был полностью арестован и заключен в Новороссийскую тюрьму. Избранный на июльской конференции Северо-Кавказский краевой комитет РСДРП, находившийся в **Екатеринодаре**, потерял связь с Новороссийской организацией. Разпались связи и внутри Новороссийской

организации. Для возобновления связей в Новороссийск был командирован член Краевого комитета, хорошо знавший местную **организацию**². Ему же было поручено организовать побег из тюрьмы руководителей Черноморского комитета.

¹ — Центральный государственный архив Октябрьской революции, Высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 393, оп. 1,

д. 6, **По** видимому, и в данном случае речь идет об **авторе** настоящей книги В. Д. Сокольском, который был отозван **из** Новороссийска и летом 1905 года вел работу по заданию **Кубан-**ского комитета РСДРП в **Екатеринодаре**. — **Ред.**

Связи Краевого комитета с Новороссийской организацией были быстро восстановлены. Большую помощь в этом оказал Ираклий Очигава, содержавший по поручению партийной организации маленькую винную лавочку на шоссе около цементных заводов. Это было удобное место для партийной явки. В последующем в лавочке находился штаб боевой дружины цементных заводов, а сам Ираклий был избран членом Совета рабочих депутатов.

Подготовка к освобождению товарищей из тюрьмы приближалась к завершению. Еще в начале 1905 года большевики Новороссийска установили связи с солдатами и вели среди них работу. В определенные дни наружную охрану тюрьмы несли четыре солдата-грузина, связанные с партийной организацией. При помощи Ираклия Очигавы через них заключенным были переданы письмо и пилки. Побегу благоприятствовало то, что окна камер политических заключенных находились на первом этаже и выходили прямо «на волю». Солдаты-грузины согласились пропустить **заключенных** и просили разрешения партийной организации бежать вместе с ними. Было намечено время (день дежурства солдат-друзей) и маршрут побега. Казалось, все складывалось благоприятно. Но за несколько дней до побега его организатор был опознан и арестован. Он встретился с заключенными не на воле, а в Екатеринодарской тюрьме.

После установления связей Новороссийская партийная организация быстро оправилась и выдвинула из своей среды новых руководителей — Ф. Дубровина, В. Нененко, Перевозчикова и других рабочих; им пришлось организовать выполнение задач, стоявших перед партийной организацией Новороссийска.

Революционное движение в стране нарастало. Правительство подавляло его со свирепой жестокостью. **Но** правительство не могло не понимать, какой опасностью грозит ему усиливающееся рабочее и крестьянское движение, волнения во флоте и отдельных частях армии, недовольство в прежде пассивных слоях общества. Правительство видело, что одними репрессиями **невозможно** справиться с революцией, поэтому оно

решило прибегнуть к политическому лавированию: расколоть силы революции, оторвать от революции умеренные слои народа, сплотить вокруг царского трона дворянство и крупную буржуазию, залить кровью рабочее и крестьянское движение. Осуществляя этот план, правительство указом от 6 августа по проекту министра Булыгина объявило о созыве «Земского собора» — законосовещательной Государственной думы. Это было издевательство над идеей народного представительства, карикатура на него.

Отношение к избирательной кампании в **булыгинскую** думу бросило яркий свет на политическую программу и тактику всех политических партий России. Соглашение с царизмом за счет народа, против народа — или непримиримая борьба с царизмом за интересы народа. Так стоял вопрос.

Либеральные слои общества приветствовали указ правительства о законосовещательной думе и начали готовиться к избирательной кампании.

Революционная часть социал-демократии — большевики призвали рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию к активному бойкоту булыгинской думы.

Мелкобуржуазная часть социал-демократии — **меньшевики** встали на путь участия в избирательной кампании и оказались правее левого крыла буржуазной демократии — буржуазной интеллигенции «Союза союзов», который призывал к бойкоту булыгинской думы¹.

В связи с изданием царского манифеста от 6 августа новороссийский городской голова Никулин обратился от имени городской думы к министру внутренних дел с просьбой «повергнуть к стопам его императорского величества верноподданнические чувства беспредельной благодарности по поводу высочайшего манифеста и ходатайство местной думы о присвоении Мефодиевскому училищу наименования училища «Памяти акта 6 августа 1905 года».

¹ «Союз союзов» — объединение 14 профессионально-технических союзов буржуазной интеллигенции. Возник в мае 1905 года, распался в конце 1906 года. 3-й съезд «Союза союзов» (июнь 1905 года) принял решение о бойкоте булыгинской думы.

Ф. И. Дубровин.

Либералы из новороссийской думы во главе с Никулиным, уstraшенные развитием рабочего движения, спешат под крылышко самодержавия. Такова была сущность либерализма. Перед 1 Мая новороссийская городская дума ходатайствовала о вызове казаков для «охраны имущества и жизни граждан», которым никто не угрожал; в июле она не решается осудить организаторов массового убийства рабочих. Теперь, несмотря на протесты ряда депутатов, городская дума лакейски припадает к подножию трона.

В декабре 1905 года новороссийская дума была известена статс-секретарем бароном Нольде, что на ее ходатайстве царь собственной рукой **начертал**: «Прочел

с удовольствием». Но с августа по декабрь 1905 года обстановка в Новороссийске, как и во всей стране, столь изменилась, что городской голова не нашел возможным огласить публично на заседании думы ответную телеграмму кровавого венценосца. Так и пролежала царская телеграмма в столе городского головы, а оттуда была представлена в военно-окружной суд по делу «Новороссийской республики» как вещественное доказательство верноподданности либеральной думы и ее руководителей.

Воодушевленные идеей соглашения с царизмом, либералы из купеческой думы возглавили избирательную кампанию в булыгинскую думу. Черноморский комитет РСДРП, восстановив связь с Северо-Кавказским краевым комитетом, крепко связанным с Потийской и Батумской большевистскими организациями, получает и широко распространяет ленинскую газету «Пролетарий» с призывом к активному бойкоту булыгинской думы.

В газете «Пролетарий» в августе 1905 года в статье «Бойкот булыгинской думы и восстание» Владимир Ильич Ленин писал: «...Самая энергичная поддержка идеи бойкота... превращение этого бойкота в активный... проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения временного революционного правительства...»¹

Черноморский комитет РСДРП, преодолевая сопротивление меньшевистской части объединенной социал-демократической организации, распространяет большевистское обращение «Ко всем лишенным прав!». В ответ на царский манифест о созыве Думы, отмечалось в обращении, необходимо начать общую политическую стачку. «Как ответ на наглый вызов царского правительства все должны быть готовыми к забастовке, приобретать оружие, образовывать боевые отряды, силой освобождать арестованных, привлекать на свою сторону солдат». Обращение заканчивалось словами: «На

борьбу, товарищи! На борьбу, все лишенные прав! Да здравствует политическая стачка! Да здравствует всенародное Учредительное собрание! Долой самодержавие! Долой булыгинскую думу!»

Черноморский комитет РСДРП, опираясь на рабочие массы, выполнил свою революционную задачу. Избирательная кампания в булыгинскую законосовещательную думу в Новороссийске, как и по всей стране, была сорвана. Созыв булыгинской думы не состоялся. Линия большевиков победила. Народ во главе с рабочим классом пошел за большевиками.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 171.

ОКтябрьская и ноябрьская забастовки. усиление влияния Новороссийских большевиков на широкие массы

Ленинская тактика активного бойкота булыгинской думы, призывы к подготовке всеобщей забастовки высоко подняли волну народного движения. В этой обстановке и возникла Всероссийская октябрьская забастовка 1905 года. В Новороссийске по призыву Черноморского комитета РСДРП к ней дружно примкнули рабочие всех предприятий: железной дороги с мастерскими и депо, цементных и нефтеперегонного заводов, почты, телеграфа, грузчики порта и амбаров и других. Попытка иностранных хлебоэкспортных фирм привлечь к работе штрейкбрехеров не удалась.

Насмерть перепуганное правительство отступило. 17 октября 1905 года царь издал манифест. Но это был маневр.

«Неприятель не принял серьезного сражения,— писал 19 октября В. И. Ленин.— Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения»¹.

Об издании манифеста в Новороссийске стало известно 18 октября. Он был встречен неодинаково в различных слоях общества. Одни наивно радовались и ликовали, веря в наступление новой эры. Обыватели,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 29—30.

И дущие октябристы и кадеты,— а также эсеры и меньшевики торжествовали.

Иное настроение было на рабочих окраинах. Умудренные опытом предшествующей борьбы, крепко помня уроки мая и июля, торжествуя первую победу всеобщей стачки, рабочие не поверили царскому манифесту и, понимая необходимость дальнейшей борьбы, спланивались под лозунгами большевиков. 18 октября по призыву Черноморского комитета РСДРП массы рабочих Новороссийска устремились к братской могиле своих товарищей, павших от рук царских палачей 19 июля. Возникла мощная демонстрация, закончившаяся гражданской панихидой на кладбище.

На окраинах развернулась открытая политическая работа. На старом цементном заводе почти каждый вечер происходили собрания рабочих, руководимые большевиками. Сначала эти собрания устраивались на улице или в пустых казармах, а потом по требованию рабочих администрация завода приспособила для них особую казарму, где было устроено возвышение — нечто вроде трибуны, поставлены стол и скамейки для слушателей. Ораторами на собраниях выступали цементники И. Жиргулевич, Г. Алешин, А. Бирюлев, С. Бахтадзе, Майорников, курсистка-медик Медович и другие члены РСДРП.

Митинги начались и на новом цементном заводе «Цепь»; происходили они в помещении бондарной артели. Организаторами их были Ф. Шмидт, В. Ненко и другие местные рабочие.

Большевики разъясняли сущность царского манифеста, призывали к свержению самодержавия и созыву Учредительного собрания. Ораторы предлагали организовать особую кассу для оказания помощи рабочим и их семьям во время забастовки, для печатания революционных воззваний и закупки оружия, советовали формировать боевые дружины для борьбы с погромщиками и казаками. Рабочие дружно поддержали своих руководителей. Установили размер отчисления от

¹ Медович («Лиза») жила в казармах старого цементного завода под видом стряпухи.

заработной платы и избрали представителей для организации рабочей массы. На заводах стали создаваться боевые дружины.

Влияние большевиков среди рабочих усиливалось. В октябре большевики цементных заводов оформляются как районная группа Черноморской организации РСДРП. Удельный вес этой группы в развернувшихся событиях совершенно не соответствовал формальному соотношению фракций в руководстве Черноморского комитета.

Начались митинги и среди железнодорожных рабочих. Был организован союз железнодорожников. Однако в октябре и ноябре руководил этим союзом редактор газеты «Черноморское побережье» либерал Леонтович — служащий коммерческого агентства Владикавказской железной дороги.

В связи с политическим подъемом среди рабочих масс местные власти насторожились и стали искать опоры среди отсталых слоев населения города, в особенности среди бездомного люда, появлявшегося каждую осень в Новороссийском порту вслед за закрытием замерзающих портов Азовского моря. Этим люмпен-пролетариев, босяков губернатор и его помощники пытаются использовать для организации черносотенных погромов. Активную черносотенную агитацию вел священник Скорбященской церкви Соболев, подговаривавший босяков устраивать беспорядки в народных шествиях, чтобы создавать поводы для вмешательства полиции, солдат и казаков. Погромную агитацию вел также содержатель гостиницы «Москва» Трояновский. Завербованным черносотенцам раздавалось оружие¹.

Не удовлетворяясь примитивной погромной агитацией, губернатор Трофимов и вице-губернатор Березников решили прибегнуть к более тонкой политической провокации. В Новороссийском порту основные работы обычно выполнялись грузчиками, организованными в артели. Часть артелей представляла собой товарищества с выборными артельщиками во главе (такими были большинство грузинских артелей); другая часть

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 14—15, 23, 26; д. 19, л. 357.

принадлежала хозяевам-подрядчикам. Артели работали круглый год по постоянному договору с Владикавказской железной дорогой и отдельными экспортными фирмами. При скоплении грузов в работу вовлекались поденные рабочие-одиночки, по большей части пришедшие из других, замерзающих портов или из деревень. Материальное положение неорганизованных поденщиков было крайне неустойчиво, и при стачках в порту они нередко использовались как штрейкбрехеры. Большое значение имело и то обстоятельство, что большинство постоянных артельных грузчиков были местные жители Кавказа и Закавказья, а большая часть поденных — пришельцы из русских и украинских губерний.

Трофимов и Березников, и ранее не раз заигрывавшие с портовым люмпеном, организуют среди безработного портового люда и поденщиков агитацию против объединенных в артели рабочих. 18 октября губернатор выступает с предложением начать сбор пожертвований для оказания помощи безработным портовикам.

При поддержке губернатора черная сотня подняла голову. Погромная агитация велась открыто, составлялись списки и адреса революционеров. Домовладельцы и квартирохозяева выселяли из своих домов и квартир семьи, которым угрожал погром¹. Уголовные элементы вели себя развязно, участвовали в грабежах и убийствах среди бела дня. В городе создалось крайне тревожное настроение.

Естественно, что в такой обстановке городская дума не могла стоять в стороне. 19 октября созывается экстренное заседание думы. Зал заседания переполнен. Вот протокольная запись этого заседания:

«...2. Городским головой прочитано предложение губернатора Трофимова о помощи поденным рабочим. Дума единогласно отклоняет предложение губернатора Трофимова, заявив, что не нуждается в его инициативе.

3. Прочитано городским головой его предложение просить губернатора об отмене усиленной охраны в Новороссийске, а гласный Гомилицкий заявил, что свободные граждане не должны унижаться до такой

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 6, 17.

просьбы. Пусть сами бюрократы снимают свою усиленную охрану. Дума единогласно постановила считать положение об усиленной охране несуществующим, не возбуждая ходатайства об отмене ее»¹.

В открытом заседании в присутствии многочисленной публики, среди которой были и рабочие, городская дума не могла принять предложение Никулина ходатайствовать перед губернатором об отмене усиленной охраны. Дума встала на путь более гибкого политического маневрирования. Она стремилась возглавить рабочее движение и ограничить его рамками закона.

В 20-х числах октября на частном совещании гласных городской думы принимается решение о проведении ряда встреч с народом. Помещение думы становится местом политических собеседований «отцов» города с народом. Большевики и эсеры активно участвуют в проведении этих собраний. О дне и часе каждого собеседования городской голова аккуратно извещал губернатора.

В. И. Ленин, характеризуя поведение либеральной буржуазии в революции, писал: «Сейчас их *интересы* требуют свободы, а свободы нельзя добыть *без народа*, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (= сторонником самодержавия народа), *не скрывая своего монархизма*»².

Губернатор Трофимов, выполняя замыслы правительства и наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, не оставил плана организации в Новороссийске погрома и тщательно его подготавливал. Опасность погрома возрастала, грабежи в центральной части города участились, полиция бездействовала.

В этой обстановке среди гласных городской думы возникла мысль об организации специальной вооруженной стражи для охраны жизни и имущества граждан, непосредственно подчиненной городской управе. Эта мысль нашла поддержку среди некоторой части меньшевиков — руководителей Черноморского комитета РСДРП и эсеров.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 1, л. 141.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 259.

Вопрос об организации городской охраны обсуждался 23 октября на народном митинге в помещении думы. Городской голова возражал против организации городской думской милиции. «В ней нет надобности, администрация не допустит погромов», — заявлял он. Из публики слышались возгласы: «В других городах погромы происходят под прикрытием казаков и полиции».

Социал-демократ, представитель меньшевистской части Черноморского комитета, предложил организовать милицию при городской управе для защиты жизни и имущества граждан.

Социал-демократы большевики, представители цементных заводов (Ф. Шмидт и другие рабочие), предложили организовать не думскую, а революционную милицию не только для защиты от хулиганов, но и для защиты политических прав народа. Они заявили, что на цементных заводах уже положено начало этому делу, там имеется до 200 вооруженных людей, «зорко следящих за всем происходящим в городе». Это сообщение встревожило гласных городской думы и меньшевиков и побудило их к скорейшему обсуждению вопроса об организации думской стражи.

На митингах, на которых присутствовали главным образом имущие горожане, купечество, предложение гласных думы об организации городской охраны было одобрено. Дума возбудила соответствующее ходатайство перед губернатором и наместником на Кавказе. К началу ноября вопрос был согласован с губернской администрацией и было выработано положение о думской охране. Краткая выдержка из этого положения была напечатана на оборотной стороне удостоверения, выданного каждому стражнику: «1. Число стражников 120; 2. Задача — охрана безопасности и имущества жителей; 3. Охрана должна содействовать полиции, но не вмешиваться в ее распоряжения; 4. Задержанные подозрительные передаются в полицейские участки».

Начальником городской охраны был назначен по совместительству секретарь городской управы подполковник в отставке К. Л. Петров. Городская охрана

имела свой штаб в доме Тенедеева на Серебряковской улице.

15 ноября начались обходы города стражниками, которых к тому времени насчитывалось 142 пеших и 4 конных. Каждый стражник получил револьвер и ленту с надписью: «Городская охрана».

Начальник охраны Петров, как явствует из архивных документов, по указанию городского головы поддерживал тесный контакт с полицейским управлением и участковыми приставами; все они зорко следили за тем, чтобы в охрану не проникли революционные рабочие и не превратили бы ее в революционную милицию¹.

Пока меньшевистская часть руководства Черноморского комитета РСДРП совместно с эсерами и думскими либералами увлекалась «народными» беседами с разрешения губернатора, распределением помещений под митинги, организацией думской милиции и посещением заседаний городской думы рабочими делегациями, осуществляя тактику давления на либералов при их политическом руководстве, в рабочих массах, на рабочих окраинах под руководством большевиков шла подготовка к предстоящим боям.

Рабочие старого и нового цементных заводов, руководимые социал-демократической местной организацией, состоявшей из большевиков, потребовали удаления всех лиц, связанных с полицейской охранкой, и полной неприкосновенности их товарищей за политические выступления. Когда же директор старого завода Ливен уволил одного из руководителей движения, большевика **Жиргулевича**, рабочие забастовали. Они потребовали от Ливена возвращения на работу Жиргулевича, повышения заработной платы, улучшения условий труда, приема и увольнения рабочих и служащих только с согласия рабочего комитета. Собравшись в конторе завода, рабочие потребовали директора. Явившись со свитой служащих, он вынужден был выслушать требования рабочих. Под угрозой продолжения забастовки и распространения ее на Геленджик

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 575.

И. В.
Жиргулевич.

директор подписал особый договор, регулирующий отношения рабочих и администрации.

Заведующий лесным складом старого завода Левицкий показывал впоследствии на военном суде, что после переговоров с Ливеном рабочие отправились на площадку, где грузят цемент. Там представители социал-демократов стали уговаривать рабочих вооружаться револьверами и ружьями для борьбы и сопротивления правительству и предлагали как можно скорее приобрести оружие. По дороге в это время проезжали казаки, и оратор Полторацкий, указывая на них толпе, сказал: «Вот едут башибузуки, с ними придется непременно бороться, людоед губернатор Трофимов уже убрался, и они **уберутся**»¹.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 528.

Растерявшийся от неожиданного и дружного напора рабочих Ливен так объяснял впоследствии причины своей капитуляции: «3 ноября около заводской конторы ко мне подошел некий молодой человек, который, рекомендуясь членом социал-демократического комитета, предъявил мне несколько требований от имени названного комитета, требуя возвращения Жиргулевича. Молодой человек мне сказал, что он избран рабочими цементного завода для переговоров с заводской администрацией. Я согласился на существование такой делегации, считая это для себя удобным»¹.

Цементные заводы становятся основным центром революционного движения в Новороссийске.

Передовые рабочие цементных заводов и артелей портовых грузчиков, руководимые большевиками, начинают выступать против меньшевистской тактики объединения сил вокруг городской думы. Они игнорируют распоряжения меньшевистского руководства Черноморского комитета, отказываются посылать свои делегации на заседания городской думы и посещать организуемые там политические собеседования. Так, явившись в конце октября на заседание городской думы, делегация рабочих цементных заводов предложила гласным или идти за революционерами и выполнять их решения, или подать в отставку. Когда же гласный Гомолицкий (руководитель кадетов) заявил, что городская дума не может пойти за революционерами, представитель делегации обратился к присутствовавшим на заседании рабочим с призывом распустить эту думу и выбрать другую, народную думу².

В конце октября 1905 года на цементных заводах под руководством большевиков организуется районный комитет РСДРП, входящий по настоянию рабочих в общую социал-демократическую организацию Черноморского комитета. Районный комитет организует профессиональный союз рабочих цементных заводов³.

Среди железнодорожников уже в первой половине ноября обостряется борьба между социал-демократами

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 11, л. 85.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 518.

³ Там же, л. 1071.

большевиками и либералами, которые пытаются удержать свое влияние на рабочих. В союзе железнодорожников, который образовался после 17 октября, возникли различные течения. Среди высокооплачиваемых рабочих и служащих преобладало настроение доверия к манифесту 17 октября, часть рабочих склонна была ограничиться лишь экономическими требованиями. Но все сильнее росло влияние революционно настроенных рабочих.

Союз железнодорожников в то время возглавлял служащий коммерческого агентства Владикавказской железной дороги Леонтович. Поставив своей задачей «воздействие на массу сослуживцев и рабочих с просветительной точки зрения», он употреблял все усилия к тому, чтобы удержать рабочих в рамках манифеста и не допустить к руководству союзом представителей левых партий. В руках Леонтовича имелось сильное оружие: единственная в городе газета «Черноморское побережье», где появлялись статьи и хроникерские заметки, посвященные жизни железнодорожников, дискредитировавшие местную социал-демократическую организацию.

Так, 10 ноября в статье «Собрание железнодорожников» сообщалось: «В зал 2-го общественного собрания во время рассмотрения проекта устава Союза явились социал-демократы и старались сорвать заседание и обратит собрание в митинг». На самом же деле сорвал собрание сам Леонтович. Председательствуя на собрании при обсуждении проекта устава союза новороссийских железнодорожников, Леонтович не давал высказаться социал-демократам, требовавшим включить в устав политические требования вплоть до созыва Учредительного собрания.

Вопреки Леонтовичу и его сторонникам железнодорожникам все же удалось еще в октябре добиться принятия на работу уволенных за июльскую забастовку, а в ноябре учредить «суд чести», контролировавший административные взыскания на рабочих, налагавшиеся начальником депо и мастерских, и увольнение рабочих. Управление Владикавказской железной дороги приказало не считаться с этим учреждением и

обратиться к содействию жандармского управления, но это было уже невыполнимо.

Влияние социал-демократической организации и ее руководителей слесаря Зелени, машинистов Верейского и Полторацкого усиливалось. 1 декабря на собрании железнодорожного союза было переизбрано руководство. Председателем союза вместо либерала Леонтовича был избран социал-демократ А. Зелень.

Революционное движение охватило и школу. 8 ноября в помещении городской управы состоялось собрание учащихся средних учебных заведений Новороссийска, на котором председательствовал учитель Синюхаев. Постановили организовать местный союз учащихся с присоединением к Всероссийскому союзу. Ученики мужской гимназии подали петицию директору гимназии, в которой требовали: устройства читальни, предоставления права ученикам пользоваться гимназической фундаментальной библиотекой, права устраивать сходки в здании гимназии для обсуждения своих нужд под руководством одного из педагогов по назначению дирекции.

Педагогический совет вынужден был удовлетворить эти требования, предоставив ученикам право самим выбирать из учителей руководителя собраний. Среди молодежи велась и политическая революционная работа учителями Бодянским и Синюхаевым. Наиболее активные из учащейся молодежи участвовали в демонстрациях рабочих, выполняли отдельные поручения боевой дружины и социал-демократической организации.

Учителя гимназии и городских школ объединились в учительский союз. В состав бюро союза были избраны преподаватели гимназии Синюхаев, Бодянский и учителя начальных школ Сатирин, Бутыркина и Жукова¹.

Осенью 1905 года усиливаются крестьянские выступления. В октябре образуются отделения Крестьянского союза в Кабардинке, Геленджике, Михайловском перевале, Пшаде, Архипо-Осиповке, Береговке, Бетте, Прасковеевке, Джубге, Новомихайловском, Ольгинке, Небуге. В 20-х числах октября происходит съезд

¹ См. «Черноморское побережье», 10 ноября 1905 г.

отделений Крестьянского союза Черноморского округа, на котором избирается бюро союза в составе председателя Раковича и членов Криницы, Когана, Яковлева¹. В наказе, принятом на съезде, указывалось на необходимость всеми способами, вплоть до вооруженного восстания, добиваться передачи земли в собственность всего народа без права частной собственности.

После съезда по селениям начинается агитация за составление приговоров об удалении сельских властей и замене их выборными крестьянскими комитетами.

Старшина Геленджикского сельского общества впоследствии доносил начальнику Новороссийского округа, что митинги начались с 17 октября. Образовалось отделение Крестьянского союза, руководителем которого стал фельдшер Алексей Ракович. Крестьянский союз имел большое влияние среди иногородних и пролетариата села Геленджик, доносил старшина, но затем на сторону союза начали переходить многие из поселян. Этому способствовали иногородние, которые присутствовали на всех общественных сходах и митингах. Они несколько раз поднимали вопрос «об изгнании из Геленджикского сельского правления всех должностных лиц и замене их по примеру Береговского сельского общества выборными от народа, которые безусловно будут исполнять одну лишь волю народа»².

21 ноября в Геленджике состоялся митинг, на котором был принят устав граждан, живущих в Геленджике, и избраны комитет и ревизионная комиссия³.

Наряду с демократическими организациями крестьян и поселян возникают лжедемократические организации. Так, в Сочинском округе возник некий «Союз мирных тружеников». Сочинская организация РСДРП обратилась со специальным воззванием к рабочим и трудящимся, в котором предостерегала от присоединения к этому союзу, так как подрядчики, помещики, дачники, отставные офицеры, участковые начальники и прочие «мирные труженики» не могут иметь ничего

¹ См. «Черноморское побережье», 25 октября 1905 г.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 1, л. 237.

³ См. «Черноморское побережье», 9 декабря 1905 г.

общего с рабочими. Воззвание заканчивалось словами: «Не поддавайтесь обману этих фарисеев и идите туда, где раздаются голоса: рабочие всех стран, соединитесь!»

В конце октября неожиданно не только для либералов из городской думы, но и для меньшевиков и эсеров в Новороссийске были расклеены и раздавались по рукам прокламации с призывом к вооружению, к подготовке вооруженного восстания против царского правительства, к образованию временного революционного правительства и созыву Учредительного собрания. Прокламации произвели большое впечатление и напугали участников новороссийской коалиции либералов, меньшевиков и эсеров.

Городской голова Никулин в своих воспоминаниях писал: «Прокламация навела страх не только на меня, но и на многих видных членов партий, которые наперыв спешили заявить, что она не есть мнение их партии, а один с. р. прямо обратился ко мне с просьбой реагировать на нее от имени городской думы». В этом понукании Никулин, конечно, не нуждался. Ознакомившись с прокламацией, он немедленно созвал гласных, которые в специальном воззвании призывали не слушать «смутьянов»-революционеров, подбивающих народ на забастовки и беспорядки. Никулин распорядился немедленно по напечатании этого воззвания заклеить им по всему городу революционную прокламацию группы большевиков¹.

3 ноября непосредственный вдохновитель июльских событий губернатор Трофимов, наиболее ненавистная населению фигура, выехал в Тифлис и до конца года в Новороссийск не возвращался. Трофимовский план подавления революционного движения остался в наследство камергеру Березникову, который вступил в исполнение обязанностей черноморского губернатора.

В ноябре в Новороссийске вновь началась забастовка. Особенно упорной была борьба грузчиков пристаней и амбаров. Хозяева Владикавказской железной дороги создали специальное коммерческое агентство,

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 21, л. 851; д. 5, л. 315.

которое обеспечивало все погрузочно-разгрузочные операции порта и железной дороги и монополично эксплуатировало грузчиков. Агентство получало ежегодно чистого дохода свыше 300 тысяч рублей. За разгрузку тысячи пудов зерна агентство платило 4 рубля 50 копеек. При чрезвычайном напряжении сил артель из 12 человек могла выгрузить за 18 часов рабочего дня до 6500 пудов зерна, получая на каждого по 2 рубля 25 копеек. Такую же сумму получал, не работая, так называемый посредник, назначавшийся агентством. Эту издавна установившуюся систему эксплуатации грузчиков крепко оберегали и посредники, щедро отплачивавшие администрации агентства, и хозяева железной дороги.

После январских событий 1905 года в Петербурге среди новороссийских грузчиков усиливается забастовочное движение. По донесению помощника начальника кубанского областного жандармского управления, 14 февраля 1905 года забастовали рабочие, занимавшиеся разгрузкой зерна на элеваторах Владикавказской железной дороги. Они потребовали удаления посредников между их артелями и коммерческого агентством дороги и повышения платы за разгрузку тысячи пудов зерна до 5 рублей. Для подавления забастовки по требованию вице-губернатора Березникова в Новороссийск были присланы две сотни казаков Урупского полка.

22 февраля Березников доносил департаменту полиции, что забастовка амбарных грузчиков с элеваторов распространилась на порт и стала всеобщей. Казаки прибыли, но забастовка продолжалась. Березников предложил департаменту полиции прибегнуть к зубатовскому приему создания комиссии, но получил окрик от министра внутренних дел и министра путей сообщения.

2 апреля правление железной дороги вынуждено было пойти на уступки. Посредников ликвидировали, заработную плату увеличили на 10 процентов.

Грузчики Новороссийска вместе с рабочими Владикавказской железной дороги активно участвовали в июльской забастовке.

После кровавого подавления июльского движения коммерческое агентство железной дороги не решилось восстановить систему посредников, но пыталось в августе 1905 года навязать артелям провокационный договор, который мог бы иметь тяжелые последствия для рабочих. Согласно этому договору артели обязывались в случае необходимости обеспечить все операции посторонними наемными рабочими. В случае забастовки посторонних рабочих артель должна принимать меры. Если артель не принимает мер по приглашению посторонних или в случае их забастовки, агентство само приглашает посторонних, оплачивая их труд за счет залога артели. Договор, таким образом, должен был способствовать разжиганию противоречий между отдельными слоями грузчиков — между постоянными артелями и пришлыми поденщиками, дабы использовать против них постоянные артели или, наоборот, использовать поденщиков в качестве штрейкбрехеров для борьбы с артелями в зависимости от того, что выгоднее хозяевам в тот или иной момент. Руководимые социал-демократами грузчики и после июльского разгрома нашли в себе силы отвергнуть провокационный договор коммерческого агентства.

Грузчики Новороссийска принимали активное участие во всеобщей октябрьской забастовке.

К ноябрю, с закрытием замерзающих портов Азовского моря, усилился наплыв в Новороссийск временных рабочих. В начале ноября поденные грузчики порта и амбаров Владикавказской железной дороги предъявили требование уравнивать их в оплате труда с постоянными рабочими и уничтожить договоры с артелями. Передовые артели готовы были поддержать требование поденных об увеличении платы общей забастовкой, но опасались дать хозяевам повод к расторжению договора не только без компенсаций, но даже с удержанием залога и тем затруднить забастовку. Тогда поденные пошли артелям на выручку. Начав забастовку ввиду отказа повысить им заработную плату, поденные якобы заставили и артельных прекратить работу, тем самым перенося виновность за нарушение договора с артелями на хозяев, не пошедших навстречу

поденным, что повлекло за собой прекращение работ и артелями.

Началась общая забастовка поденных и артельных грузчиков. Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги и «Российское общество парохозяйства и торговли» вначале хотели опереться на артели, но когда и они забастовали для поддержки поденных, коммерческое агентство расторгло с ними договор, удержав залог, и предложило работать на общих основаниях с поденными.

Часть поденных, удовлетворившись роспуском артелей, согласилась приступить к работе, однако их не допустили артельные и передовые, сознательные поденные грузчики. Тогда коммерческое агентство пригласило штрейкбрехеров, но они были разогнаны дружным выступлением артельных и поденных рабочих. Создалась крайне сложная обстановка, которой могли воспользоваться враждебные рабочему движению силы¹.

Собрание портовых рабочих, происходившее в народном доме, было исключительно бурным. Выступали представители социал-демократов, социалистов-революционеров, либералов. После шумных прений было принято предложение большевиков распустить артели, образовать единый союз грузчиков порта и амбаров, устранить посредничество коммерческого агентства. Собрание поддержало требование артелей о возвращении коммерческим агентством залога и уплате неустойки за нарушение договора, а также требование повысить заработную плату поденным рабочим. Эти требования объединили артельных и поденных грузчиков².

Объединение рабочих сорвало план охраны использовать в своих целях противоречия между поденными и артельными. Экспортеры, амбары которых ломались от зерна, забили тревогу. Они требовали вмешательства властей. Газета «Черноморское побережье» опубликовала ряд статей против бастующих. Заведующий коммерческим агентством Владикавказской железной дороги, непосредственный начальник редактора газеты

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 6, 7; д. 15, л. 135.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 755, 768.

по службе в коммерческом агентстве М. Мельников в статье «К забастовке портовых рабочих» доказывал, подтасовывая цифры, как карточный шулер, убыточность для дороги операций по выгрузке и погрузке зерна. Выступил со статьей и городской голова А. Никулин, скрывшись за подписью «А. Н.». Он доказывал вред забастовки для экспортеров, рабочих, железной дороги и земледельцев, призывал грузчиков отказаться от якобы невыполнимых требований и встать на **работу**¹.

В дело вмешался биржевой комитет. По инициативе представителя «Русского общества вывозной торговли» Бартека представители рабочих были приглашены на заседание биржевого комитета для урегулирования вопроса непосредственно с экспортерами. Однако рабочие отказались приступить к работе. Тогда посредничество взял на себя вице-губернатор Березников. 28 ноября в канцелярию губернатора были приглашены на совещание жандармские ротмистры, начальник Новороссийского округа, начальник порта, товарищ **прокурора**, городской голова, редактор газеты, представители всех русских и иностранных экспортных фирм, управляющий банком, заведующий коммерческим агентством Владикавказской железной дороги, заведующий амбарами и несколько представителей поденных и артельных рабочих. На совещание явились также по личному приглашению губернатора два социал-демократа меньшевика. Уже самый состав совещания говорит, какие большие интересы задевала эта стачка, прекратившая все операции крупнейшего южного порта в самую горячую пору.

Березников довольно искусно направил прения не в сторону ликвидации противоречий между коммерческим агентством, экспортерами и рабочими, а в **сторону** разжигания **противоречий** между **артельными** и поденными рабочими. В результате **пятичасового**

¹ Мельников впоследствии показывал судебному **следователю**: «Я просил Никулина оказать содействие. Он отнесся сочувственно и написал за подписью «А. Н.» в «Черноморское побережье» статью против забастовки. Но эта статья не произвела желательного впечатления на рабочих» (ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, д. 18).

совещания удалось достигнуть решения: артельные и поденные рабочие будут работать чередуясь, оплата увеличивается на $2\frac{1}{2}$ копейки за четверть зерна (вместо 6 копеек, как требовали рабочие). Требование артельных грузчиков об уплате коммерческим агентством неустойки было **отвергнуто**¹.

Какое единодушие взглядов — от жандармского ротмистра и прокурора до социал-демократа меньшевика — проявилось на этом совещании!..

Впоследствии на судебном **дознании** представители меньшевиков, ссылаясь на вице-губернатора Березникова как на свидетеля, заявляли, что они во время перерыва заседания в частной беседе с ним обещали сделать все возможное для прекращения забастовки и что во время заседания они указывали на неправомерность требования артельных грузчиков об уплате **неустойки**².

Грузчики, заслушав на другой день сообщение о соглашении, достигнутом на совещании у Березникова, решили продолжать стачку. В их упорстве сказалось влияние большевиков.

27 ноября Березников вызвал из Ростова-на-Дону уполномоченного правления Владикавказской железной дороги Дунина. Но и его уговоры и угрозы никаких результатов не имели. Рабочие требовали 25-процентной прибавки к заработной плате и компенсации артелям. **Дунин** уехал, предложив приступить к работе «через 2 дня с сего числа» под угрозой, что иначе управление дороги будет считать все договоры расторгнутыми³.

Экспортеры предлагали, чтобы сорвать забастовку, уплачивать рабочим от себя добавочно 10 процентов. Капитаны 50 иностранных пароходств также предложили выплачивать рабочим требуемую ими плату и 20 тысяч рублей наградных. Рабочие отвергли и эти предложения. Они соглашались приступить к работе лишь при условии удовлетворения всех их **требований**. Штрейкбрехеров не **нашлось**⁴.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 665, 900, 1032.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 6, 37.

³ ЦГАОР, ф. 393, т. 31, л. 256—276.

* ЦГАОР, ф. 393, т. 25, л. 10.

Ноябрьская экономическая стачка грузчиков, переросшая в декабре в политическую, продолжавшаяся до 6 января 1906 года, то есть и после падения «Новороссийской республики», представляет собой явление, заслуживающее большого внимания.

Уже в начале экономической стачки **грузчики** преодолевают в своей среде противоречия, которые намеревались использовать их враги — коммерческое агентство Владикавказской железной дороги и губернские власти. Передовые артели грузчиков, а за ними и все артели перестают считать себя чем-то исключительным по отношению к временным, пришлым рабочим, преодолевают чувство своеобразного «аристократизма» по отношению к поденным рабочим и встают на защиту их интересов. Неорганизованные пришлые рабочие отвергают погромную, черносотенную агитацию и предложения штрейкбрехерства и быстро преодолевают присущий им индивидуализм и элементы национального шовинизма, разжигавшегося губернской администрацией. Поденные рабочие встают на путь объединения с артельными. В ходе забастовки под руководством большевиков был создан единый профессиональный союз грузчиков.

Какая же сила оказала так быстро и столь сильное воздействие на поведение рабочих и помогла преодолеть противоречия между ними?

Этой силой была ленинская идея единства рабочего движения, братства народов и союза рабочих и крестьян.

В ноябре 1905 года в стране происходит забастовка почтово-телеграфных работников. В 7 часов вечера 15 ноября, получив телеграмму из Петербурга, **забастовали** и работники новороссийской городской почтово-телеграфной конторы. К ним примкнули чиновники портовой почтово-телеграфной **конторы**¹.

Обеспокоенный этой забастовкой, биржевой комитет принимает меры к ее прекращению. 22 ноября **комитет** созвал специальное совещание, на которое были **приглашены** начальники городской и портовой почтово-телеграфных контор. Председатель биржевого комитета, он же городской голова, Никулин сманеврировал: **сам**

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 717; д. 10, л. 42,

лично высказался против прекращения забастовки, а в качестве председателя совещания провел решение о ее прекращении.

Убедившись, однако, что прекратить забастовку не удастся, участники совещания решили лично принять участие в разборке корреспонденции. Но и эта затея провалилась. На другой день начальник городской почтово-телеграфной конторы сообщил биржевому комитету, что забастовка продолжается и что «заболел его помощник и вследствие этого он не может допустить членов Биржевого комитета к разборке корреспонденции в его **конторе**»¹.

Революционное настроение среди почтово-телеграфных работников, а также рабочих промышленных предприятий нарастало. На молу, пересиливая **норд-ост**, молодежь декламировала «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике». Звонко неслись с окраин любимые революционные песни новороссийских рабочих: «Нас давит, товарищи, гнет капитала», «Варшавянка», «Стреляй, солдат, вернее целись», «Марсельеза», «Похоронный марш», «Робеспьеру честь, Марату слава», «Как у нас на троне чучело в короне». Рабочие требовали решительных действий. Окраины вооружались. Еще в августе со склада цементного завода пропало значительное количество динамита.

Первоначальной целью организованной на цементных заводах дружины была охрана рабочих и служащих от черносотенного погрома и защита митингов от налетов полиции и казаков; в дальнейшем боевая дружина цементных заводов под руководством большевиков становится опорой всех революционных мероприятий, ядром боевой дружины города.

Дирекция завода отказалась выдать рабочим оружие. Тогда рабочие встали на путь экспроприации. Было отобрано оружие у администрации завода, на ближайших дачах богатеев, у карантинной стражи, у полицейских стражников и урядника завода и т. д. **Начальником** дружины избирается большевик **Жиргулевич**².

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 1, л. 239.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 41.

инициативной силой в борьбе с грабежами и попытками погромов, что вынуждены были признать и люди, не сочувствовавшие ее революционным целям. Только в боевой дружине население видело подлинную защиту в те дни. Опасность погрома исчезла, грабежи совершенно прекратились.

В тот период либерал Леонтович писал в своей газете: «Наша городская охрана при добровольном содействии боевой охраны дает городу то спокойствие, кое он давно ожидал». Как хотели бы новороссийские буржуа-либералы и меньшевики удержать движение на этой ступени!

22 ноября по инициативе группы большевиков цементных заводов состоялась демонстрация протеста против расстрела в Севастополе военных моряков, поднявших знамя революционного восстания на боевых кораблях Черноморской эскадры. Демонстрация началась у цементных заводов и оттуда, нарастая волной, направилась через пристани в центр города на площадь у помещения городской думы, к которой примыкали казармы местного гарнизона. К демонстрации организовано примкнули рабочие порта, железной дороги и другие. На углу Романовской и Серебряковской улиц забастовавшие городские местной полиции, сбросив с себя оружие, присоединились к демонстрации.

С большим подъемом демонстранты пришли на площадь и остановились перед воротами военных казарм. Началась панихида по убитым в Севастополе матросам Черноморского флота. Солдаты были заперты во дворе казармы, ворота охранялись офицерами и самим начальником гарнизона. Участники демонстрации подходили к воротам казармы и убеждали солдат принять участие в панихиде, но они, сочувственно наблюдая за демонстрацией, не решались. Убедить офицеров пропустить солдат не удалось.

Охранка, чтобы сорвать демонстрацию, поручила своим агентам спровоцировать демонстрантов на разгром товарных складов. При прохождении демонстрации мимо хлебных и товарных складов «Русского общества вывозной торговли» из толпы раздался крик:

«Забрать хлеб и товары!» Но провокация не удалась¹.

Вот как описал эту демонстрацию очевидец: «22 ноября по городу пошла процессия с красными и черными флагами с надписями на них: «Долой тиранов», «Долой правительство». Впереди этой процессии шла вооруженная ружьями и револьверами народная дружина, позади оркестр бальной музыки, игравший Марсельезу и похоронный марш, а затем следовала огромная толпа народа числом до 10 000 человек.

На площади... процессия остановилась, выступило 7 ораторов, которые призывали в своих речах к восстанию против правительства.

Шествие двинулось в город. Впереди шла вооруженная дружина, за ней несли трофеи: шашки и револьверы забастовавших городских, за ними оркестр музыки, а потом публика... Таможня в знак траура при прохождении процессии приспустила национальный флаг... «Вива!» — раздавалось со стоявших у причалов иностранных кораблей, матросские бескозырки летели вверх в знак приветия русской революции².

Демонстрация, вышедшая с окраин, из рабочих казарм цементных заводов, пополнялась на своем пути рабочими железной дороги и порта. Неожиданно для представителей власти и буржуазии демонстрация превратилась в смотр организованных вооруженных революционных сил.

С 22 ноября забастовали городские, предъявив полицеймейстеру ряд требований. В ночь на 23 ноября полицейских постов на улицах не было, город охранялся думской и боевой рабочей дружинами³. После трехдневной забастовки большая часть городских ушла с полицейской службы.

Вооруженной демонстрацией 22 ноября заканчивается первый период развития революционных событий в Новороссийске; он характеризуется тем, что основные силы в борьбе ищут массовую опору.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 2, 3, 4, 6, 65.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 534.

³ «Черноморское побережье», 24 декабря 1905 г.

Агенты царского правительства губернатор Трофимов и вице-губернатор Березников организацией черной сотни и зубатовскими приемами, используя противоречия между отдельными группами рабочих, пытались найти опору контрреволюции.

Либеральная буржуазия, опасаясь черносотенных погромов, грозивших многомиллионным ценностям экспортных грузов, с одной стороны, и революционного рабочего движения — с другой, стремилась овладеть рабочим движением и создать собственную вооруженную силу, противопоставив ее революционному наступлению рабочих. Меньшевики полностью солидаризируются с тактикой городской думы. Вооруженная демонстрация 22 ноября показала тщетность усилий реакции и крах тактики думских либералов, поддерживаемых **меньшевиками.**

В борьбе за массы победила революционная линия большевиков. О событиях 22 ноября в Новороссийске писали столичные революционные газеты. Рабочий класс показал свое единство и сплоченность вокруг революционного знамени. Вооруженная демонстрация имела большое значение для последующей борьбы новороссийских рабочих за народную власть.

Г Л А В А III

БОРЬБА РАБОЧИХ НОВОРОССИЙСКА ЗА НИЗЛОЖЕНИЕ МЕСТНЫХ ЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ

В октябре и ноябре 1905 года революционная борьба масс по всей стране продолжала развиваться с огромной силой.

Вместе с рабочими выступают крестьяне. Усилились волнения среди солдат.

В ноябре 1905 года В. И. Ленин, вдохновитель и организатор пролетарского революционного движения, вооруживший партию и рабочий класс учением о стратегии и тактике революционной борьбы, вернулся в Россию и принял непосредственное участие в подготовке вооруженного восстания. Его статьи в большевистской газете «Новая жизнь» освещали партии и всем трудящимся путь борьбы и служили указаниями в повседневной работе.

Высоко поднималась волна революционного движения в Закавказье. В конце ноября 1905 года состоялась IV большевистская конференция Кавказского Союза РСДРП. Конференция избрала Кавказское бюро для руководства бойкотом булыгинской думы и подготовкой всеобщего вооруженного восстания.

30 ноября Кавказский Союзный комитет в газете «Кавказский рабочий листок», сообщая об итогах работы конференции, призывал рабочих возглавить общенародное движение против самодержавия, за демократическую республику, а крестьян — к организации революционных комитетов.

Новороссийская организация не была представлена на ноябрьской конференции закавказских большевиков, но решения ее стали известны рабочим Новороссийска из русских и грузинских большевистских газет, которые зачитывались до дыр на цементных заводах и в казармах грузчиков.

Решение IV большевистской конференции Кавказского Союза РСДРП об усилении борьбы за подготовку и проведение вооруженного восстания, за развертывание и укрепление революционных организаций рабочих и крестьян, стачечных комитетов, Советов рабочих депутатов и революционных крестьянских комитетов отвечало на насущные вопросы революционного движения.

Между рабочими цементных заводов и Новороссийского порта и портовыми рабочими Потти, Батуми была установлена крепкая связь. Партийные связи имелись также с гурийской группой большевиков.

Хотя районная группа социал-демократов цементных заводов и порта (Адамовича балка) входила в состав Черноморского комитета Северо-Кавказского Союза РСДРП, но тяготела она к Кавказскому Союзу РСДРП и была с ним крепко связана. Эти связи помогали рабочим преодолевать меньшевистское влияние в Черноморском комитете и в крайне сложной политической обстановке, которая сложилась в Новороссийске, дали возможность выдвинуть лозунг борьбы за власть.

Перевести стачку в вооруженное восстание — такова была практическая задача дня, к осуществлению которой неустанно стремилось революционное крыло Черноморской социал-демократической организации — большевики.

В вооруженном столкновении с правительством, которое неминуемо надвигалось и в Новороссийске, решающее значение должно было иметь, конечно, настроение местного гарнизона.

В распоряжении правительственной власти города находились значительные вооруженные силы: батальон казаков-пластунов — 800 человек, конных казаков — 3 сотни, рота Майкопского батальона, местная команда — около 80 человек, 50 полицейских и пограничная стража. Исполнявший обязанности губернатора Берез-

ников пытался объединить все эти вооруженные силы для подавления растущего революционного движения. В последних числах ноября он проводит совещание о согласовании действий полиции и городской думской охраны. На совещании присутствуют полицеймейстер, два товарища прокурора, городской голова и начальник городской думской охраны. Березников выражает недовольство братанием, которое происходит между думскими стражниками и членами рабочей боевой дружины, и требует полного контакта в действиях полиции и думской охраны.

В начале декабря под председательством Березникова в окружном воинском присутствии состоялся военный совет, в котором участвовали жандармские ротмистры, воинский начальник и командиры подразделений, расквартированных в Новороссийске. Жандармские ротмистры впервые ознакомили присутствующих с положением дел: готовится вооруженное восстание, которое начнется с ареста властей; арест губернатора предполагается в ближайшие дни. Командиры отдельных воинских частей в докладах выражали неуверенность в настроении их подчиненных¹. В военном совете чувствовалось подавленное настроение, и к тому имелись реальные основания.

Как уже отмечалось, еще со времени подготовки первоймайской вооруженной демонстрации Черноморская организация РСДРП имела некоторые связи с местным гарнизоном. Изредка устраивались тайные собрания с солдатами (были и унтер-офицеры) в винной лавочке Ираклия Очигавы на Адамовичей балке и в винной лавочке Дарчия на Морской улице. На эти собрания захаживали и казаки. Велась работа и среди новобранцев. Так, 15 октября 1905 года среди новобранцев было распространено воззвание с призывом встать на сторону народа и свергнуть самодержавного царя.

Получив сведения о мобилизации сил губернатором (совещание с представителями городской управы, военный совет), Черноморский комитет РСДРП по настоянию большевиков выпускает 5 тысяч экземпляров

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 1082.

воззвания «К солдатам и казакам». Воззвание было напечатано в типографии «Труд» в ночь со 2 на 3 декабря под охраной боевой дружины цементных заводов. Вот что сообщал об этом пристав 1-го участка в донесении на имя товарища прокурора: «В ночь на 3 декабря сего года толпа человек 15—20 социал-демократов рабочей партии вошла в типографию «Труд», находящуюся на Романовской ул. в доме Нечаева. Вооруженные револьверами стали около дверей и окон, никого не выпуская из типографии и наоборот, потребовали отпечатать прокламации в количестве 4000—5000 экз. под заголовком «К солдатам и казакам», и что, якобы, не исполнить их требований не было никакой возможности. В это время в типографии производилась ночная работа — печатание газеты «Черноморское побережье» — об этом докладываю вашему высокоородию на распоряжение»¹.

Воззвание призывало солдат и казаков присоединиться к народу в борьбе против самодержавия, за землю и волю, за Учредительное собрание и демократическую республику. Воззвание было хорошо отпечатано и широко распространено среди войск и населения.

Под влиянием большевистской агитации начались волнения в пластуновском казачьем батальоне. В Новороссийске он находился временно. Батальон вышел 18 ноября из Уманской для отправки в Батум. С 21 по 28 ноября он был в Екатеринодаре, где предусмотрительное начальство для поднятия настроения выдало каждому казаку по 100 рублей пособия от казны. 28 ноября пластуны прибыли в Новороссийск, где были задержаны вице-губернатором Березниковым.

Восемьсот пластунов дополнительно к трем конным казачьим сотням! Это для Новороссийска было уже слишком. Делом революционной чести и долга было не пустить их в Батум, куда они направлялись на подавление революционного движения, и в то же время не дать использовать их в самом Новороссийске.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 18, л. 25.

Большевики развернули большую агитационную работу среди пластунов, отговаривая их ехать в Батум. Казаков убеждали самовольно разъехаться по своим станциям.

Когда 30 ноября в Новороссийск приехал начальник штаба Кубанского казачьего войска Пржевальский для отправки батальона в Батум, казаки заявили ему, что полицейской службы нести не будут, не намерены также охранять купеческое добро и в Батум морем не поедут, так как их потопят либо в пути, либо у Батума. Тогда 1 декабря по специальному вызову в Новороссийск прибыл помощник кубанского наказного атамана генерал-майор Бабич. Но и он успеха не имел — казаки категорически отказались ехать в Батум.

4 декабря «Российское общество пароходства и торговли» предоставило для отправки казаков пароход «Великая княгиня Ксения». Начальству удалось подпоить и усадить на пароход 1-ю и 3-ю сотни. Но... «После погрузки, когда был уже дан 3 гудок, — доносил помощник пристава товарищу прокурора, — и все готово было к отходу парохода, команда пароходных матросов забастовала и заявила, что они следовать на пароходе с казаками не желают. Такой неожиданный отказ команды следовать с казаками, я допускаю мысль, произошел вследствие сильной агитации между матросами рабочих, которые все время присутствовали при погрузке, и заметны были их переговоры с командой и самими казаками. Дисциплина между казаками совершенно отсутствует...»¹

Убеждения и приказы начальника порта, заведующего передвижением войск и других начальствующих лиц остались тщетными. Сотни сошли с парохода и расположились на Стандарте. Восемьсот пластунов остались в Новороссийске.

Наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков по ходатайству наказного атамана Кубанского казачьего войска обратился за содействием к командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Чухнину. Из Севастополя прибыл военный корабль «Днестр». О резуль-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 18.

татах этой экспедиции вице-адмирал Чухнин сообщал шифрованной телеграммой непосредственно на имя царя: «9 декабря был послан «Днестр» для перевозки пластунов из Новороссийска в Батум. **Возвратившись** 16 декабря, командир донес: «Поручение не исполнил, пластуны отказались ехать, в городе полная анархия, власть захватили революционеры, начальствующим лиц нет, вице-губернатор без власти»¹.

Оставаясь в Новороссийске, казаки-пластуны по ночам рассылали патрули по городу, которые братались с патрулями боевой рабочей дружины. Завязывались разговоры.

— Ну что, вы будете стрелять в народ, как приказывают?

— Стрелять-то мы будем,— отвечали казаки,— потому что нельзя слушаться, но не в народ.

— А как?

И тогда казаки показывали, как они будут стрелять в воздух.

Под влиянием большевистской агитации и братания казаки вышли из повиновения начальству. Их пытались спаивать, но революционные организации старались перехватывать обозы с водкой, посылаемые из Ливинской.

Березников намеревался использовать пластунов хотя бы для несения караульной службы, а революционные организации агитировали за возвращение их в Уманскую.

Жандармский ротмистр станции Новороссийск показывал в дальнейшем судебному следователю, что агитацию среди пластунов за уход на родину вел и группа офицеров полка, поддерживавшая революционеров. К их числу принадлежал штабс-капитан Ардшинский-Долгоруков, командир 1-й сотни пластунов, и другие офицеры, назначенные в батальон из запаса².

В связи с ростом революционного движения царское правительство в столицах и по всей стране готовило силы для наступления. Ряд губерний был объявлен

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 579.

² ЦГАОР, ф. 393, т. 31, л. 256—276.

на военном положении. Правительство издало распоряжение арестовать руководителей революционного движения и разогнать Советы рабочих депутатов.

Московский Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, решил провести немедленную подготовку к вооруженному восстанию. 5 декабря Московский комитет РСДРП предложил Совету объявить общеполитическую забастовку, с тем чтобы в ходе борьбы перевести ее в восстание. Политическая забастовка, начавшаяся по инициативе Москвы, охватила всю страну.

7 декабря 1905 года Новороссийский союз железнодорожников получил телеграмму: «Из Москвы. Центральное бюро Союза.

Правительство вызывает нас на новый бой. Конференция депутатов 29 железных дорог совместно с Центральным бюро Всероссийского железнодорожного союза присоединилась к постановлению С. Р. Д. Петербурга, Москвы. Объявляет 7/XII всеобщую политическую забастовку».

В тот же день была получена телеграмма из Ростова-на-Дону: «По всем станциям Владикавказской железной дороги председателям местных бюро и делегатам. Товарищи, отечество в опасности. Царское правительство, несмотря на вынужденное признание гражданских прав за русским народом, не прекращает своей прежней политики издевательства и насилия над измученной и изголодавшейся родиной. Чаша терпения переполнилась. Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов в совещании представителей 29 дорог и ЦК бюро ж.-д. Союза в Москве постановили: начать всеобщую политическую забастовку с 7/XII 1905 г. Присоединяясь всецело к общему решению, Ростовское бюро предлагает следующее: забастовка начинается с 12 часов ночи с 7 на 8 декабря. Все застигнутые забастовкой товарные поезда доводятся до больших станций. По усмотрению местных бюро пассажирские поезда доводятся до больших станций с буфетами, поезда с запасными нижними чинами, с хлебом для голодающих отправляются, пропускаются беспрепятственно, и каждое бюро по своему усмотрению организует поезда для безопасности линейных товарищей и для снабжения

их провизией и водой. Забастовка прекращается только после уведомления со стороны Ростовского бюро. Для организации руководства забастовкой назначается на 11/XII съезд представителей линейных бюро в Ростов, по 2 представителя. Товарищи! От нашего дружного и единогодушного выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работать, присоединяйтесь к забастовке. Да здравствует политическая забастовка!

Председатель Ростовского бюро Райзман».

Рабочие станции Новороссийск, железнодорожных мастерских и депо забастовали. Председатель бюро союза железнодорожных рабочих А. Зеленья сообщил 8 декабря Ростовскому бюро: «Новороссийское бюро на общем собрании решило присоединиться к всеобщей политической забастовке, и станция Новороссийск забастовала 8 числа в 12 часов дня».

Через несколько дней Новороссийское железнодорожное бюро обращалось по линии Ростов — Харьков — Москва — Петербург: «Просим сообщить, в каком положении совместно с народным движением у вас дело политической забастовки. Народные настроения благоприятны общему движению».

Бюро Новороссийского железнодорожного союза»¹.

События в Москве, Закавказье и в Ростове-на-Дону отразились на всей жизни Новороссийска. Стачка железнодорожников стала сигналом ко всеобщей стачке. По призыву Черноморского комитета РСДРП 8 декабря остановились все промышленные предприятия, закрылись магазины.

Рабочие порта, не прекращавшие своей экономической стачки, выдвинули и политические требования. Одних только английских пароходов, ожидавших разгрузки, скопилось до 40. Иностранцы и русские пароходы покорно стояли на внутреннем и внешнем рейде. Рейсы пароходов «Российского общества пароходства и торговли» прекратились 13 декабря 1905 года и не возобновлялись до 2 января 1906 года. Иностранцы

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 1015.

фирмы предлагали грузчикам большие деньги, требуя, чтобы они приступили к работе, но никто не решился стать штрейкбрехером.

Десятки поездов скопьялись на железной дороге, 3 тысячи вагонов ждали разгрузки. Главные и подъездные пути железной дороги были забиты¹.

Забастовка почтово-телеграфных работников, начавшаяся 15 ноября, продолжалась; отдельные штрейкбрехеры были сняты с работы.

Промышленная и торговая жизнь города замерла. Население усиленно изымало вклады из банка и сберегательных касс, требуя золотую наличность².

В течение первой половины декабря боевая дружина под руководством большевиков усиленно вооружается. Дружине удается достать списки лиц, которым выдавалось оружие в городе, по дачам и селениям (в частности, кулакам и наиболее надежным поселянам, являвшимся опорой сельской и окружной администрации, под предлогом борьбы «с дикими животными»).

Поселяне — бедняки и середняки охотно шли на встречу боевой дружине Новороссийска, вынося на сельских сходах решения об изъятии оружия и передаче его дружине. Местная полиция обезоруживается. Так, в Кабардинке дружиной цементных заводов был обезоружен полицейский урядник Сафонов, в его квартире произвели обыск. То же было в Кирилловке, Мефодиевке, Марьиной Роше, Абрау-Дюрсо и других селениях.

Начальник Новороссийского округа доносил товарищу прокурора: «12 дек. сего года около 4¹/₂ ч. веч. вооруженная толпа грузин и армян около 50—100 чел. под предводительством некоего отставного офицера Грозинского явилась в с. Кирилловку и арестовала сельского старшину, писаря и урядника и под угрозой заставила последних указать им поселян, имеющих ружья, а затем под конвоем водили их по селению и отбирали у поселян ружья системы «Бердана», принадлежащие казне, а также ружья системы «Крика»,

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 1003.

² См. «Черноморское побережье», 30 ноября 1905 г.

и часов около 9 веч. толпа с отобранными ружьями направилась в гор. Новороссийск. Кроме этого, Грозинский, собрав сход поселян, объявил им, чтобы они никаких налогов не платили¹.

Такие же факты имели место по многим другим селениям.

Отряды боевой дружины, прибыв в селение, первым делом проводили митинги-сходы, где выносилось решение о сборе оружия для рабочих Новороссийска. На каждое взятое ружье выдавалась квитанция боевой дружины.

Впоследствии отставному капитану Грозинскому инкриминировалось, что, «прибыв с громадной толпой вооруженного народа в село Кирилловку и М. Рошу, он приказал созвать сход в сельское правление, где в своих речах убеждал население не платить податей и налогов, так как город находится в руках народа. Грозинский выдавал расписки в получении ружей, на которых писал: «Уполномоченный комитета народной обороны г. Новороссийска Порфирий Грозинский».

С большой энергией начальник дружины «генерал Черный» — Филипп Дубровин экспроприировал оружие и в самом городе, располагая удивительно точной информацией о его владельцах. Не обошлось и без некоторых осложнений. Молодой «красный генерал» никак не мог согласиться, что иностранные консульства должны остаться вне его сферы влияния. По его мнению, уж очень подходящее у них было оружие.

Все почтовые посылки с оружием реквизировались боевой дружиной. Взяли и оружие, хранившееся в помещении суда как вещественное доказательство.

К половине декабря боевая дружина имела склады оружия на старом цементном заводе и в центре города, в доме Карпова. На старом цементном заводе была организована мастерская бомб.

Дружинники организованно проходили военное обучение. Начальник общегородской дружины Ф. Дубровин 9 декабря издал приказ: «Предлагаю районным

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 27.

командирам произвести каждому в своем районе учение в стрельбе по кавалерии и ружейные приемы».

Городской отряд боевой дружины обучался за мельницей Асланиди, куда открыто проходил по центральным улицам города и возвращался после обучения в свой штаб (дом Карпова) церемониальным маршем.

Боевая дружина произвела своей организованностью серьезное впечатление не только на население города, но и на военных специалистов. Начальник гарнизона полковник Григорович впоследствии показывал: «Если бы революционеры стали вести партизанскую войну, то для окончательного искоренения революционного движения наличных в Новороссийске воинских сил было бы недостаточно»¹.

Общее количество дружинников доходило до 800, из них около 300 были вооружены ружьями, остальные имели револьверы и холодное оружие (сабли и пики). На марше отряды боевой дружины обычно сопровождались бомбометателями, которые шли впереди и по бокам, открыто и демонстративно неся бомбы. Во время уличных митингов бомбометатели занимали все углы соседних улиц².

Итак, социал-демократическая организация, опираясь на вооруженную боевую дружину, нейтрализуя войска, пользуясь сочувствием окрестного крестьянства, становится фактически хозяином города и его округа. Необходимо было полностью ликвидировать органы старой власти.

Роль революционного крыла социал-демократии, опиравшегося на рабочих цементных заводов и грузчиков порта, возрастает. Меньшевики терялись перед революционным размахом, перед сложностью задач, которые встали перед социал-демократической организацией. Эти задачи не были предусмотрены схемами их лидеров.

Революционные рабочие требуют от революционных призывов перейти к революционному действию. В создавшихся условиях руководство всей городской социал-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 11, л. 14.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 531, 608, 610; д. 9, л. 94; Д. 5, л. 38, 40, 41.

демократической организацией перешло к большевикам. В начале декабря некоторые руководители-меньшевики, ставленники Союзного Северо-Кавказского комитета, уехали из Новороссийска. Многие рабочие — рядовые члены партии отходили от меньшевиков.

В начале декабря было созвано расширенное заседание Черноморского комитета РСДРП, в котором участвовало свыше 30 человек. Обсуждался вопрос об избрании Совета рабочих депутатов и захвате власти. Подавляющим большинством голосов было решено немедленно приступить к выборам Совета рабочих депутатов, который и должен низложить правительственную власть и стать революционной властью в Новороссийске. На заседании присутствовали Николаев (Беренштейн), «Борис» (В. Сокольский), И. Гольман, Б. Прохоров, А. Зелена, М. Верейский, Ф. Дубровин, С. Бахтадзе, Г. Мамулянц, И. Жиргулевич, В. Нененко, Л. Зварич, Р. Каландадзе, И. Рамишвили, С. Бодянский, С. Голиков, Н. Аркадьев, Г. Алешин и другие.

Положение царских властей и городской думы в создавшейся обстановке становилось все более неустойчивым. Нависла реальная опасность революционного переворота и захвата власти рабочими.

Городская дума сделала новую попытку найти себе опору. Прежде всего либеральные буржуа, вспомнив отвергнутый ими в октябре маневр губернатора Трофимова, решили сами выступить «защитниками» и благотворителями по отношению к рабочим, «страдающим не по своей вине от забастовки». Ухватившись за благотворительность как средство привлечения масс на свою сторону в противовес «виновникам бедствия» — революционерам, призывавшим массы к продолжению стачки, вожди либерализма энергично принялись за организацию умеренных сил города¹.

12, 13 и 14 декабря в летнем клубе происходили открытые собрания, посвященные организации в Новороссийске массовой конституционно-демократической партии. Ядром ее являлись гласные городской думы.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 120; д. 5, л. 69; д. 6, л. 205.

В. Я. Нененко.

которые еще с русско-японской войны объединились в особый кружок.

Выступая на публичном собрании 12 декабря, посвященном ознакомлению масс с задачами конституционно-демократической партии, городской голова доказывал предпочтительность для России конституционной монархии перед республиканской формой правления, ссылаясь на пример Норвегии, которая будто бы свободно предпочла конституционную монархию республике.

14 декабря в помещении летнего клуба состоялось третье собрание конституционно-демократической партии. Клуб был переполнен, сердца организаторов приятно бились — наконец-то «заслуженный успех» и торжество думской либеральной линии! Но когда

президиум занял места на сцене, раздавался шум и свист, из публики неслись возгласы: «Черносотенцы!» Организаторы оставили собрание, которое продолжалось без них как революционный митинг¹.

Так провалилась попытка создания массовой конституционно-демократической партии в Новороссийске.

Довольно неожиданное направление приняло для городской думы и ее либеральных гласных и дело с комиссией по сбору пожертвований в помощь безработным. Сразу же после образования думой «комиссии шести» многочисленный народный митинг, руководимый большевиками, постановил пополнить ее восемью представителями рабочих и превратить из комиссии по сбору пожертвований в комиссию по установлению и взиманию прогрессивного подоходного налога с имущих для обеспечения нуждающихся рабочих и поддержки всеобщей политической забастовки².

Получив столь серьезный лобовой удар, не только срывающий маневр с благотворительностью имущих по отношению к «невинно страдающим от забастовки рабочим», но и посягающий на установление подоходного налога, городская дума все же своей комиссией не упразднила, надеясь, что ее члены — гласные думы — сумеют сдерживать рабочих представителей. С первого же заседания комиссия приступила к установлению подоходного налога с имущих классов населения.

Купец Л. П. Георгиев так рассказывает о заседании комиссии, на котором он присутствовал: «Кроме комиссии и купцов на совещании присутствовали делегаты от рабочих, как они сами себя называли, всего 8 человек. Эти делегаты принимали самое деятельное участие в обсуждении вопросов. Купцы были приглашены, так сказать, в качестве экспертов для выяснения того, какой кто имеет доход из лиц, подлежащих обложению. Комиссия первоначально определила сумму, потребную для помощи безработным, в 30 000 р., но делегаты

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 30.

² От рабочих были избраны Гольман, Прохоров, «Борис» (Сокольский), Лейбович и др. (ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 505).

от рабочих заявили, что этой суммы слишком недостаточно, и определили ее в 50 000 руб. По выяснении затем всех лиц, подлежащих обложению, они были разделены на 2 категории: имеющие доход до 1000 руб. и свыше 1000 руб. Первая категория должна была уплачивать 2%, а вторая 4%. Между всеми плательщиками сумма, подлежащая взысканию, — 50 000 руб., была распределена пропорционально доходу каждого. С меня было определено взыскать 400 руб. Определяли сумму налога с каждого главным образом делегаты от рабочих».

В итоге комиссия разослала напечатанный текст извещения: «Гражданин! Комиссия имеет честь известить вас, что согласно раскладке с вас причитается взнос в сумме ...руб. ...коп. ... каковую сумму можно внести 4-мя равными взносами в городскую управу или лицам, уполномоченным комиссией и снабженным соответственной квитанционной книгой. Председатель, секретарь...»¹

Извещения были вручены промышленникам, экспортерам, купцам, различным учреждениям и некоторым служащим правительственных учреждений и торговым промышленным предприятиям, получавшим крупныеклады. Так, хозяин мельницы Асланиди должен был уплатить 600 рублей, контора «Российского общества пароходства и торговли» — 600 рублей, управляющий этой конторой Вишневецкий — 50 рублей и т. д. Извещения были вручены также банкам, городскому голове Никулину и вице-губернатору Березникову. Платежи производились аккуратно в назначенный срок.

При распределении налоговых средств семейным рабочим выдавалось пособие от 20 до 50 копеек в день, а холостые получали талоны в столовую. Вот письмо комиссии в чайную «Попечительства о народной трезвости» на Стандарте: «Прошу отпустить за счет комиссии... каждому предъявившему белый листок с печатью Управы — полпорции горячего или второго, розовый листок — порцию чая, фиолетовый — фунт белого хлеба, сиреневый — фунт черного хлеба. Председатель

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 100, 120, 121, 134, 516, 758.

комиссии. Деньги по чекам могут быть уплачиваемы ежедневно в Управе».

В комиссии шла непрерывная борьба между гласными думы и представителями рабочих как по линии изыскания средств, то есть объектов обложения и суммы налога, так и по линии распределения. Не имея большинства, гласные городской думы стали постепенно покидать комиссию. Председатель комиссии Лир писал городскому голове Никулину: «Избранный председателем комиссии, я по мере сил и понимания вел до сих пор дело, но в настоящее время я вынужден отказаться от участия в этой комиссии. Прежде всего как на мотив отказа укажу на то, что из 5 членов комиссии за отказом гласных Голованя и С. Нестерова осталось только 3 человека. Затем я не могу согласиться с тем способом распределения помощи деньгами, какой практикуется... Вообще нужно сказать, что теперь создалось такое положение, что гор. комиссия занимает какое-то зависимое положение по отношению к Совету раб. депутатов, а при таком положении я участвовать в комиссии не могу»¹.

Лир, утверждая, что осталось только три члена комиссии, хотел подчеркнуть свое непризнание прав представителей рабочих в комиссии, которые фактически и решали все дела, используя городскую управу как технический аппарат.

Провал новороссийских либералов с организацией массовой партии кадетов и неудача с маневром по сбору пожертвований свидетельствовали о том, что рабочее движение перешло в новую стадию, что оно далеко шагнуло от октябрьско-ноябрьских дней. Большевики были оттеснены от руководства рабочим движением. Перед городской думой открывалась мрачная для нее перспектива или быть распушенной, или остаться техническим орудием исполнения воли революционных организаций. Однако дума продолжала работу. Она еще рассчитывала затормозить развитие революционного движения.

Вице-губернатор Березников после неудавшейся попытки взять движение в свои руки (совещание по поводу

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 66.

забастовки портовых рабочих) и особенно после военного совета находился в состоянии большой растерянности и тревоги за личную безопасность. 10 декабря он переезжает с пригородной дачи в гостиницу «Европа», оттуда в тот же день — в канцелярию губернатора под охрану 10 казаков 4-й сотни Урупского полка, а 11 декабря он оказывается в квартире ротмистра Сукина¹.

12 декабря принесло Березникову новый сюрприз. Восемьсот пластунов, отказавшихся ехать в Батум под влиянием революционной агитации, решили возвратиться на родину. Они обратились к Черноморскому комитету РСДРП и руководителям союза железнодорожников за разрешением проехать по железной дороге, так как поезда не ходили.

Иван Гольман, один из участников революционного движения в Новороссийске, вспоминает: «Мы, конечно, сейчас же согласились, снарядили полный состав, можно было пустить 2-ю тягу и 1—2 пассажирских вагона для пассажиров. Казаки сели в теплушки но когда они увидели, что пассажиры ходят с мешками, то они нас вызвали к себе, они все боялись, что это грузят бомбы, их страшили обывательские разговоры о страшно разрушительном действии наших бомб. Мне пришлось их успокаивать, но они потребовали, чтобы на каждом тормозе был по крайней мере наш дружинник для сопровождения их до станции Крымской. Отказать в этом не было возможности, так как они иначе не хотели ехать, а нам хотелось, чтобы они действительно уехали. Пришлось нарядить дружинников. Смешно было... 800 человек хорошо вооруженных, хорошо обученных и вдруг требуют для себя охраны каких-то 20 дружинников»².

Новороссийцы все же беспокоились, не использует ли командование железную дорогу для отправки казаков на Кавказ. 12 ноября бюро железнодорожного союза по телеграфу сообщило на станции Екатеринодар и Тихорецкую: «Сегодня с № 16 будут отправлены 800 пластунов, отказавшихся ехать в Закавказье и желаю

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 23; д. 10, л. 15.

² «Советский Юг», 14 марта 1923 г.

ехать домой по направлению к Ростову, не далее Кисляковской, откуда они набраны. Не допустить их отправления Кавказ через Петровск...»

13 декабря Новороссийское бюро получило со станции Крымской сообщение: «Делегатская из Крымской — всем бюро Владикавказской ж. д. и всем товарищам-гражданам. Казаки 15-го пластунского батальона категорически отказались нести полицейскую службу, говорят, что нас вызвали бить врагов, но где мы ни были, нигде врагов не нашли. Все такие же православные, как и мы. Сегодня весь батальон в составе 800 ч. выехал на фурах в Славянскую для сдачи оружия, после чего, по их заявлениям, должны разойтись по домам»¹.

Самовольный уход 800 пластунов был сильным ударом для представителей царской власти. В тот же вечер вице-губернатор Березников скрывается, и революционные организации не могут обнаружить его местопребывание. Как оказалось, он скрылся на товарной станции под охрану находившейся там 2-й сотни Урупского казачьего полка. Сначала он поселился в классном вагоне, а потом ради большей безопасности — в товарной конторе.

Вместе с Березниковым укрывались жандармские ротмистры Давыдов и Мальдонато, а также начальник Новороссийского округа Фомишкин. В городе оставались лишь полицеймейстер Киреев и деморализованные одиночки-городовые, боявшиеся показываться на постах². Растерянность охватила и офицеров оставшихся в Новороссийске частей. Начальник гарнизона подполковник Григорович опасался перехода солдат на сторону революционеров и настаивал на вызове из Екатеринодара казаков³.

12 декабря Березников в письме наказному атаману Кубанского казачьего войска сообщал, что положение безвыходное, 4-я сотня Урупского полка деморализована, в двух других сотнях настроение неопределенное, в городе учреждается временное правительство. Он просит

¹ ЦГАОР, ф. 393; оп. 1, д. 19, л. 1015-1052.

² Там же, л. 122.

³ ЦГАОР, ф. 83, д. 2, л. 3.

подкреплений под начальством генерала, чтобы передать ему власть и поручить восстановление порядка. В тот же день полицеймейстер Киреев получил от Березникова три инструктивных письма:

1. «Павел Нилович. Я остаюсь на вокзале под охраной казаков. В случае нужды поступите под охрану воинского начальника. 12/ХП.

Отсюда будут посылаться разъезды к Банку, Сукину, пользуйтесь ими для сообщения сведений.

Если у вас есть беззаветно преданные люди, то усильте ими охрану Гос. Банка. Вот и все, что теперь можно сказать».

2. «М. В. Д. Черноморский губернатор по канцелярии. Павел Нилович. Переоденьтесь и сейчас приезжайте ко мне. (Против электростанции, где 2 сотня), если Вы знаете, где штаб-квартира Партии, а пристава тоже захватите с собой».

3. «Г-ну полицеймейстеру. Городовые на улицах теперь декорация. Постарайтесь соединить тех из них, кои чего-нибудь стоят, и усилить ими гарнизон.

Я готов увеличить им содержание, воинский начальник даст им помещение, конечно, надо брать только хороших, а то присутствие плохих будет лишь вредно»¹.

Отступив без боя, но оправившись под охраной казаков от первого испуга, губернатор собирает силы для наступления.

Местопребывание губернатора не было известно революционным организациям, а некоторое время и городской думе. «Я целую неделю не знал, где он, — показывал впоследствии Никулин, — одни говорили, что он на посту пограничной стражи, другие, что он на пароходе, третьи, что он на станции»².

В этой обстановке в Новороссийск прибыла выездная сессия Екатеринодарского окружного суда для разбора

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 10, л. 19.

² В дальнейшем городской голова устанавливает местопребывание Березникова, тайно сносится с ним и получает «деловую» консультацию. Вот одна из этих консультаций со слов самого Никулина на суде: «Когда я, будучи у г. Березникова в вагоне, сказал ему, что стало невозможно делать думские заседания, т. к. мешает публика, он мне ответил: делайте заседания где-нибудь в доме» (ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 85).

очередных судебных дел. Ввиду забастовки на железной дороге судьям пришлось ехать без обычных удобств, соответствующих их положению. Вот как рассказывал об этом председатель прибывшей судебной сессии А. А. Балкашин: «В сопровождении члена суда Войнаровского, 2 пом. секретарей, письмоводителя, курьера 12 дек. с поездом, предоставленным для учеников, выехали мы в Новороссийск. В Новороссийске не представлялось никакой возможности достать извозчика. Отправились пешком. Я обратился к унылому буфетчику и попросил его дать мне стакан вина, но получил в том отказ, так как, по его словам, господствовавшая в то время социал-демократическая партия воспретила ему торговать винными напитками, а потому он и рекомендовал мне лично обратиться к стоявшему недалеко одному из этой партии, у которого и находился ключ от буфета. Подойдя к этому неизвестному мне молодому господину, у которого я заметил значительный шрам на правой брови, я попросил его дать ключ от буфета, так как я значительно прозяб и хочу выпить стакан вина, то на это я получил ответ, что он не может дозволить открыть буфет, так как их партия решила устроить бойкот правительству и с этой целью лишает возможности всех пить спиртные напитки»¹.

Заседание выездной сессии открылось 13 декабря в камере мирового судьи под охраной пятнадцати городских, которыми командовал помощник пристава. В тот момент, когда судебный пристав торжественно провозгласил: «Суд идет» — и члены суда с подобающим достоинством вошли в зал заседания и заняли свои места, через другую дверь вошел в сопровождении молодой девушки учитель гимназии С. Бодянский. Он уверенно направился к столу, вручил председателю суда пакет и остановился в ожидании. Председатель, крайне удивленный и пораженный нарушением этикета судебного заседания, быстро распечатал и пробежал письмо. Вот что было в нем: «Черноморский соц.-демократический комитет РСДРП предлагает суду немедленно прекратить занятия ввиду всеобщей политической забастовки».

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 633.

Возможность мистификации исключалась. На письме был ясный оттиск красной печати: «Черноморский комитет Северо-Кавказского Союза Российской Социал-демократической рабочей партии»¹.

Суд удалился на совещание и постановил прекратить заседание сессии и возвратиться в Екатеринодар.

Узнав о происшедшем, полицеймейстер спешно донес Березникову в его «подполье»: «Явился в суд учитель Бодянский от социал-демократического комитета и потребовал закрытия. Председатель, обсудив этот вопрос, сделал постановление заседание прекратить и сегодня в 4 ч. ночи едут обратно в Екатеринодар. Пока ничего выдающегося не было. Завтра донесу особо. Полицеймейстер Киреев. Казаки в суд не являлись»².

По-видимому, полицеймейстер Новороссийска привык к своеобразной обстановке в городе, если закрытие сессии коронного суда социал-демократическим комитетом для него не представляет «ничего выдающегося». Эка невидаль в самом деле, когда сам губернатор, камергер двора его царского величества, прячется в товарной конторе.

В последующем Киреев оправдывался, что он не мог на помощь 15 полицейским, охранявшим суд, вызвать казаков, так как они охраняли губернатора Березникова, жандармского ротмистра Давыдова и начальника Новороссийского округа Фомишкина, скрывавшихся на железнодорожной станции.

В тот же день, 13 декабря, около часа дня члены боевой дружины поставили в известность постовых городских, что они должны к двум часам дня явиться в дом Карпова, в штаб боевой дружины, на митинг. Городовые явились исправно, им предложили сдать оружие и не выступать против народа. Митинг состоялся³.

Так заканчивался второй период в новороссийских событиях. Революционные рабочие становились хозяевами положения.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 49; д. 19, л. 364.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 81.

³ Многочисленные показания, в том числе донесение пристава 1-го участка товарищу прокурора (ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 26; д. 5, л. 39).

ЗАХВАТ ВЛАСТИ НОВОРОССИЙСКИМ
 СОВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ
 И ЕГО РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

13 декабря по призыву Черноморского комитета РСДРП, руководимого большевиками, и Черноморского отделения Всероссийского крестьянского союза начались выборы в Новороссийский Совет рабочих депутатов. Выборы происходили на всех предприятиях 13 и 14 декабря. В них принимали участие рабочие, ремесленники и крестьяне близлежащих селений. Были избраны 72 депутата. От цементного завода — социал-демократы И. Жиргулевич, Ф. Шмидт, А. Бирюлев, Донченко, Деминчук и другие. От рабочих и служащих железной дороги после продолжительных и бурных прений — социал-демократы А. Зелень, Петрушевич, М. Верейский, Николаев, «Борис» (Сокольский) и эсеры Лейбович и Краснов. Либералы Леонтович и К^о провалились. От городских служащих и городской охраны избирается социал-демократ Г. Мамулянец. От городской прислуги — Елена Передерий. От рабочих порта — И. Гольман, И. Очигава и другие. От приказчиков — Фоменко, Соловьев, Карпов, Вильде. От безработных — И. Ямпольский, от бездомных ночлежного дома — Б. Прохоров. От Крестьянского союза — Ракович и т. д.¹

Все рабочие дружно являлись на выборные собрания и активно участвовали в обсуждении кандидатур. Не было ни одного, даже мелкого, предприятия, не при-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 437, 455, 800, 889—900; Д. 6, л. 4, 125.

вшего участия в выборах. В Совет не допускались ремесленники-хозяева, имевшие хотя бы одного рабочего или подмастерья.

Большинство избранных депутатов принадлежало к социал-демократам большевикам и к примыкавшим к ним большевистски настроенным рабочим. Среди депутатов были меньшевики и социалисты-революционеры, два депутата принадлежали к толстовцам и два — к «анархистам-коммунистам».

Черноморский комитет РСДРП особым печатным извещением довел до сведения граждан Новороссийска об избрании Совета рабочих депутатов, о предстоящем 14 декабря первом его заседании и о приеме Комитетом заявлений и просьб на имя Совета¹. Этот архивный документ, а равно и другие дают возможность с точностью установить, что выборы в Новороссийский Совет начались именно 13 декабря и что первое его заседание состоялось 14 декабря; утверждение же некоторых авторов, что Совет был избран еще в ноябре или даже в октябре, но до декабря был якобы в каком-то «зародышевом» состоянии, не имеет никаких оснований.

Причина столь позднего образования Совета кроется в том, что меньшевики, в руках которых находилось руководство Черноморским комитетом РСДРП, в октябре — ноябре 1905 года стремились концентрировать народное движение вокруг городской думы и тем подчинить его политике либеральной буржуазии.

Понимая, что образование Совета рабочих депутатов при большем размахе революционного движения и все растущем влиянии большевиков неизбежно лишит их влияния и приведет к разрыву коалиции с городской думой и захвату власти рабочими в лице Совета во главе с большевиками, меньшевики всячески тормозили и оттягивали организацию Совета рабочих депутатов. Меньшевикам Советы были нужны не как орудие восстания и не как орган революционного самоуправления, а как тормоз революции. Поэтому они на всем протяжении революции противопоставляли действиям революционных рабочих идею и практику неоформленных

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 399.

В. Д. Сокольский.

массовых организаций. Меншевики не только тормозили образование Советов там, где они чувствовали, что массы вырываются из-под их влияния, но и вступали в борьбу с Советами как органами революционного наступления.

Большинство в Новороссийском Совете рабочих депутатов принадлежало большевикам. Меншевики, входя в Совет, стремились всячески сорвать его работу.

Некоторые меньшевики в дальнейшем в своих показаниях на следствии по делу «Новороссийской республики» откровенно изложили мотивы, которые руководили ими в те бурные дни, и разъяснили свою тактику по отношению к Совету рабочих депутатов. Так, один из меньшевиков, член Совета и Исполнительного комитета, писал: «Мне казалось, что продолжавшаяся забастовка в конечном счете может вылиться... в самых насильственных формах, когда доведенные нуждой до край-

ости рабочие примутся за разгром всех состоятельных элементов о-ва. Поэтому ввиду полного бездействия власти я считал единственным средством, способствовавшим прекращению забастовки и водворению порядка, — повлиять на самый орган рабочих в виде С. Р. Д., почему я счел возможным принять избрание меня, а затем принять участие в заседаниях».

В другом документе тот же меньшевик писал: «Видя полную растерянность гражданской власти перед разгрывающимися страстями рабочих масс, видя оставление ими (царскими властями. — В. С.), несмотря на присутствие достаточного количества военной силы, города на произвол судьбы и зная, что забастовка, раз она примет затяжной характер, неминуемо разразится при таких условиях разгромом имущества мирных граждан и выльется в разгул низменных страстей подонков о-ва... я считал себя обязанным приложить все усилия к обузданию массовых инстинктов и к введению жизни в нормальное русло... Только этой целью я руководился при всех своих выступлениях»¹.

14 декабря состоялось первое заседание Новороссийского Совета рабочих депутатов. Председателем Совета избирается профессионал-революционер социал-демократ Николаев, секретарем — «Борис» (Сокольский). Был избран Исполнительный комитет Совета из семи человек.

Совет рабочих депутатов обратился с воззванием к населению, в котором извещал о своем образовании и задачах: «Как во всей России, так и в г. Новороссийске рабочий класс сплотился и выдвинул из своей среды Совет рабочих депутатов для руководства окончательной борьбой, в которой не может быть отступления.

Рабочий класс выставил в этой борьбе своим девизом «Свобода или смерть»... Подэтим девизом... мы поведем нашу последнюю борьбу и не остановимся ни перед какими средствами, вплоть до вооруженного восстания.

Готовьтесь, граждане, к последнему бою!

Долой остатки самодержавия!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 166; д. 18, л. 2, 4, 84.

Установив общеполитическую задачу вооруженной борьбы против самодержавия, за созыв Учредительного собрания, конституировавшись как единственная в городе власть, Совет рабочих депутатов наметил ряд **конкретных** революционных мероприятий «для защиты завоеванного и завоевания дальнейшего».

«Необходимо установить народный суд с выборными от всего народа судьями, — отмечалось в воззвании. — Необходима народная городская дума, избранная... всем населением». Необходимо «помочь массе рабочего люда, страдающего от общей безработицы и от политической забастовки, устройством обширных общественных работ. Необходимо немедленно начать сборы с имущей части населения для того, чтобы поддержать рабочих, выносящих на своих плечах всю тяжесть борьбы за общенародную свободу... Мы идем вперед и будем прокладывать себе путь всеми средствами вплоть до вооруженного восстания»¹.

Став органом власти в промышленном городе с оживленными торговыми связями, с громадными экспортными операциями, Совет рабочих депутатов искал организационных форм политического руководства и управления городом.

Исполнительный комитет оформился в виде коллегий по отдельным отраслям управления: комитет боевой дружины, разведка и народный суд, хозяйство и городская дума, прием и разбор жалоб. Все отношения, распоряжения и приказы подписывались двумя или тремя членами Исполнительного комитета, который действовал не как техническое бюро, а как полномочный орган революционной власти.

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов занял небольшую комнату в здании женского училища по договоренности с заведующей училищем, Е. Н. Жуковой, принимавшей активное участие в революционном движении. Дежурства членов Исполнительного комитета были **непрерывны**². Члены Исполнительного комитета руководили также политическими

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 575.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 813.

революционными клубами и боевыми дружинами, были непосредственно связаны с широкими рабочими массами в их экономической и политической борьбе.

Исполнительный комитет немедленно издал распоряжение, регулирующее хозяйственную и торгово-промышленную жизнь города. В нем указывалось:

«1. Совет рабочих депутатов, понимая всю важность политической забастовки как орудия борьбы с самодержавным правительством, считает необходимым решительно продолжать ее; поэтому все крупные производства, железная дорога, парохозяйства, портовые рабочие, почта, телеграф и телефон должны бастовать впредь до прекращения общерусской забастовки.

2. В 10 ч. дня 15 декабря Совет рабочих депутатов прекращает забастовку производств, имеющих лишь местное значение.

3. В 10 ч. дня 15 декабря торговая жизнь города может возобновиться. Лавки, магазины открываются в продолжение всего времени политической забастовки, торговля может производиться с 8 ч. утра до 4 ч. дня... Цены на товары не должны повышаться.

4. Ремесленные и кустарные мастерские могут открываться. Извозчики, драгали выезжают на работу.

5. Все типографии начинают работать, управляющие типографиями обязываются принимать все заказы Сов[ета] раб[очих] деп[утатов], в противном случае типографии передавать во временное пользование Сов[ета] раб[очих], деп[утатов]...

6. Казенные винные лавки должны быть закрыты.

7. Запрещается под страхом народного суда явная и тайная торговля спиртными напитками. Развозка спиртных напитков с заводов также воспрещается.

8. Все правительственные учреждения должны быть закрыты, за исключением банка и казначейства, которым разрешается выдача вкладов»¹.

Установлен был контроль над промышленностью, транспортом и торговлей. На предприятиях был введен 8-часовой рабочий день и организованы рабочие коми-

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 575—576.

теты, которые контролировали прием и увольнение рабочих (коллективный договор на цементных заводах и «суд чести» на железной дороге, как уже упоминалось, были установлены еще в октябре). Все указания социал-демократической организации и Исполнительного комитета Совета о приеме и увольнении рабочих принимались хозяевами предприятий к исполнению.

Предприниматели не решались и помыслить о применении против рабочих локаута, как в других городах России. Правда, некоторые предприниматели и администраторы отказывались вводить на предприятиях порядок, установленный Советом. Так, директор цементного завода «Цепь» заявил, что он не может вести дело на условиях коллективного договора по причине полной убыточности. Однако попытки саботировать решения Совета немедленно пресекались.

Грузовое и пассажирское движение по железной дороге и на море не только контролировалась, но и регулировалось непосредственно революционными организациями еще с ноября. Контора «Российского общества пароходства и торговли» должна была представлять в Исполнительный комитет копии списков грузов для получения разрешения на их отправку. Разрешение подписывалось тремя членами Исполнительного комитета. Так, 20 декабря Исполнительный комитет писал: «Российскому о-ву разрешается сего дня 20/XII отправить транспортные грузы съестных припасов по местам их назначения. В следующие дни разрешение будет выдаваться только по рассмотрении документов»¹.

О том, какие отношения при разрешении вопросов транспортирования грузов существовали между городской думой, союзом железнодорожников и Советом, свидетельствует следующая записка:

«От городского головы в совет союза г. г. железнодорожников 19/XII—1905 г.

Покорнейше прошу разрешить подвозку пяти вагонов картофеля из Кисловодска или Эссентуков подателю сего Провцеву.

Городской голова Никулин».

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 758, 762.

Внизу резолюция: «Просим С. Р. Д. дать свое заключение на эту просьбу. Секретарь бюро ж. д.»¹.

Для бесперебойного снабжения города продовольствием в условиях железнодорожной забастовки Исполнительный комитет удовлетворял подобные ходатайства и снаряжал маршрутные продовольственные поезда, руководя экономической и политической стачкой грузчиков и запретив все операции порта, Исполнительный комитет, однако, рассматривал заявления частных лиц, обращавшихся за разрешением на перевозку грузов.

Ведя борьбу со спекуляцией, Совет установил контроль над торговлей. Было определено время работы торговых предприятий, запрещено повышение цен. С имущего населения продолжалось взимание подоходного налога, установленного еще 11 декабря 1905 года. Исполнительный комитет был особенно внимателен ко всем заявлениям, которые поступали от населения. Вот некоторые образцы этих заявлений:

«У гр[ажданина из] Мар[ьиной] Роши убита вагонами Геленджикского франко-русского завода лошадь на работе завода, за которую завод не вознаграждает его, а выдал деньги взаймы на покупку лошади за поручительством гражданина той же деревни Шульженко, с которого требуют немедленной уплаты этих денег». Резолюция: «Предписать цементному заводу приостановить дело впредь до постановления народного суда».

Д. Н. Кобылкин жалуется: «В Комитет социал-демократической партии рабочих г. Новороссийска», что подрядчик И. И. Губарев и его жена не уплатили за земляные работы, следуемые по расчету, и просит «вызвать ответчиков в суд и взыскать с Губарева 9 р. 03 к. и судебные и др. издержки по делу. За Кобылкина расписался Омельченко». Резолюция: «В народный суд».

Прошение от 145 сельскохозяйственных рабочих, проживавших в Геленджике: «В Новороссийский комитет о-ва Союзного труда с просьбой об оказании

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 198.

помощи, а также и влияний на членов о-ва **сельского** хозяйства и о понуждении последних увеличить плату».

Гордей Щеголев и Анна Буравенкова пишут: «В Народный дом. Сотрудникам-ораторам, получившим от народа право выступать в защиту за обиженных при-слуг». Они просят «подвергнуть ответственности» их хозяйку, которая издевается над ними.

Среди огромного количества жалоб на разных языках от различных слоев населения по самым **разнообразным** вопросам лишь одна жалоба осталась без рассмотрения, так как была написана на языке, которого никто из членов Исполнительного комитета не знал.

Авторитет **революционной** власти был столь велик, что к ней обращались с жалобами даже чины полицейской стражи: «Братья. Товарищи, братьев Ваших, борющихся за свободу и отказавшихся против Вас действовать оружием, начальник округа уволил нас... Просим Вас, т-щи, обратить на сие бесправное действие нашего начальника, так как мы служим охраной **мирным** людям от злоумышленников, воров и разбойников и т. п., то ни в каком случае действовать оружием против свободы и правды, за какую вы, товарищи, проливаете кровь, а он, начальник наш, заставляет эту правду застрелить, но мы, товарищи, отказали ему наотрез. Мы очень сочувствуем Вам, т-щи, и также непрерывно боролись со своими малопонимающими товарищами, за что и терпели от своего начальства угрозы и притеснения, но мы этого не испугались и в тот момент, когда он хотел спасти нашими спинами, мы, т-щи, наотрез отказались, за что он нас уволил. Мы, нижеподписавшиеся, отказавшиеся от злоумышленной службы, в чем и **подписуемся**, бывшие стражники урочища **Мацюк**. Следует 14 подписей¹.

Рабочие Новороссийска еще с середины **ноября** революционным путем учредили народный суд, который разбирал политические, экономические и бытовые вопросы. Так, в ноябре состоялся народный суд на **старом** цементном заводе по обвинению заведующего **лесным** складом П. М. Левицкого, служащих **Нитча** и Ни-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 249—255.

рода в шпионаже. Суд происходил в присутствии всех **рабочих**. Левицкий показывал впоследствии: «Когда мы явились на суд, на возвышенном месте застали сидевших Жиргулевича, «тов. Лизу», депутатов и какого-то оратора-блондина. **Жиргулевич** сообщил оратору, что явились обвиняемые в шпионаже, и тогда стали судить первым Нирода, потом меня. Когда я и Нирод доказывали свою невиновность, оратор предложил рабочим решить вопрос голосованием посредством поднятия рук, наказать ли нас, т. е. удалить с завода, или простить. Сосчитав поднятые руки, Жиргулевич сообщил оратору, что большинство голосов за нас и меньшинство против нас, и оратор спросил рабочих: «Ну что же, простить их?» Раздались голоса: «На первый раз простить их»¹.

В 20-х числах ноября состоялся народный суд в помещении железнодорожного депо. В присутствии рабочих депо судили: «1) Машиниста Жермана, обвинявшегося в том, что 19/VII осмелился проехать паровозом сейчас же после рассеяния толпы войском, 2) машиниста Исаева за выход его на работу во время июльской забастовки и 3) дворянина, начальника железнодорожного паровозного депо Б. А. Глеб-Кожанского по обвинению в доносах жандармам событий июльских дней. Председателем народного суда был социал-демократ Николаев, обвинителями выступали социал-демократы Гольман и Бодянский»².

В декабре состоялся народный суд над владельцами шапочной мастерской и магазина Варшавским и Большаковым по обвинению в нарушении коллективного договора с **рабочими**³ и т. д.

Наказания, применявшиеся народным судом, были следующие: увольнение с работы, бойкот, высылка из города. Пролетарии были великодушны и еще малоопытны, хотя необходимо отметить, что и эти формы наказания имели сильное влияние.

Исполнительный комитет проявил большую заботу о нуждах трудового населения, в частности **приоста-**

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 528.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 39.

³ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 6, л. 4.

Исполнительный комитет Совета отправлял по селениям вооруженные рабочие отряды для ознакомления населения с революционными событиями и призвал крестьян к изгнанию агентов царской власти и к организации революционных комитетов. Под влиянием этого призыва крестьяне некоторых селений изгнали представителей царской власти и избрали народные комитеты. В ряде селений крестьяне обезоружили полицейских и заставили старост вступить в соглашение с Новороссийским Советом¹.

Исполнительный комитет энергично продолжал укреплять боевую дружину. Продолжалась реквизиция оружия в магазинах, на почте (посылки), обезоруживали оставшихся городских, стражников и урядников в городе и в селах. Частным лицам рассылали официальные письма следующего содержания: «Комитет боевой дружины предлагает Вам вручить имеющееся у Вас оружие, которое будет своевременно возвращено Вам. 18/ХП 1905 г. Новороссийский комитет боевой дружины». Или: «Черноморский комитет РСДРП просит Вас, гражданин, дать на время винтовку и патроны... 13/ХП 1905 г.»

Требования о выдаче оружия рассылались и правительственным учреждениям. Так, всем мировым судьям города было разослано письмо следующего содержания: «Г-н мировой судья или письмоводитель! Комитет предлагает Вам выдать имеющиеся у Вас револьверы, которые своевременно будут возвращены. Количество Вам известно. 18/ХП 1905 г. Новороссийский комитет боевой дружины».

Главными «поставщиками» вооружения продолжают оставаться поселяне и рабочие государственных имений. Дружинники и сами изготовляли холодное оружие, чинили старые ружья и револьверы. По распоряжению Исполнительного комитета Совета дружина цементного завода изыала из заводских погребов несколько пудов динамита и пороха и 20 кругов бикфордова шнура.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 237.

Особое внимание Черноморский комитет РСДРП уделял изготовлению бомб. Еще летом 1905 года по настоянию большевиков Северо-Кавказский областной комитет командировал одного из своих работников на курсы по изготовлению бомб, организованные большевистским Центральным Комитетом РСДРП. Первая мастерская бомб на Северном Кавказе была создана в Армавире, а затем и в Новороссийске в районе цементных заводов. Бомбы изготовлялись новейшей конструкции, с большой разрушительной силой¹.

Новороссийцы получали бомбы и от закавказских большевистских организаций через специальных людей. Среди вещественных доказательств по делу «Новороссийской республики» имеется письмо в Гурию: «Новороссийский с[оциал]-д[емократический] комитет боевой дружины обращается с предложением к Гурийскому с[оциал]-д[емократическому] комитету.

Ввиду того, что в Новороссийске предвидится схватка с реакционным правительством, для борьбы с которым требуется вооруженная сила, мы посылаем одного товарища, Илью Кирилловича Каландадзе с просьбой выдать ему сколько возможно бомб.

Оттиски печатей трёх организаций: Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов г. Новороссийска; Новороссийского комитета боевой дружины; Черноморского комитета Северо-Кавказского Союза РСДРП².

Из архивных материалов видно, что боевая дружина имела пехотные и казачьи винтовки, кавалерийские карабины, дробовики, монтекресто, двуствольные охотничьи ружья, револьверы различных систем: 6-зарядные Смит — Вессона, 5-зарядные турецкого образца и другие, пики со стальными наконечниками.

14 декабря в доме Пахомовой (угол Романовской и Воронцовской улиц) открылся революционный лазарет. В его организации и обслуживании приняли участие 6 врачей, 2 помощника провизора, 2 фельдшера, 2 сестры милосердия, 2 учительницы, 3 гимназистки,

¹ См. «Советский Юг», 14 марта 1923 г.

² «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 584.

механик, фотограф, 13 домашних хозяек и другие — всего 40 человек¹. Лазарет имел оборудование на 10 коек и летучий санитарный отряд. Врачи читали лекции, проводили практические занятия в городской больнице. Имелся значительный запас медикаментов и перевязочных средств. Революционный лазарет в последующем оказал большую помощь прибывшим из Ростова раненым участникам темерникского восстания.

Исполнительному комитету Совета в столь короткий срок удалось наметить и провести в жизнь ряд революционных мероприятий потому, что они назрели в сознании широких слоев трудового населения и были подготовлены предшествовавшей борьбой октябрьско-ноябрьского периода под руководством большевиков.

Во всех своих действиях Совет рабочих депутатов и его Исполнительный комитет выступают как подлинная, признанная народом власть. Это было ясно и агентам царской власти, перешедшим в своеобразное подполье, и буржуазии, и всему населению города.

Камергер Березников доносил из подполья: «Город во власти революционеров». Перепуганный событиями дезориентированный слухами полицеймейстер Киреев доносил о якобы уже известных ему именах «диктаторов Временного правительства»². Газета «Черноморское побережье» 15 декабря писала: «На улицах вооруженные люди... город во власти Совета рабочих депутатов».

Начальник городской телефонной сети Барташев занес в свой дневник в день первого заседания Совета: «У нас в городе полнейший террор. И. д. губернатора Березников скрылся. Наклейщик театральных афиш разносил по городу повестки о взыскании подоходного налога. Ходят вооруженные люди, полицейские отсутствуют на постах... Окружной суд бездействовал, местные гимназисты ходили с солдатами по улице и вели с ними какую-то беседу... Мимо окон проходят молодые евреи и еврейки с повязками Красного Креста на руках. Это санитары революционного лазарета. 50 вооруженных революционеров прошли церемониальным мар-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 404.
² ЦГАОР, ф. 83, д. 2, л. 4; ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 30, 717.

шем по Серебряковской улице без всякого противодействия со стороны администрации... По городу ходили слухи, что после набата революционеры объявят народу свой манифест...»

Мероприятия Совета рабочих депутатов и его Исполнительного комитета обсуждались на широких партийных собраниях и народных митингах, которые почти ежедневно созывались Черноморским комитетом РСДРП. Постановления печатались в «Известиях Совета рабочих депутатов». В архивах сохранился протокол собрания районного комитета цементных заводов и порта от 22 декабря 1905 года. На собрании присутствовали представители от старого цементного завода — 5 человек, нового завода — 4, завода Маклерена — 1, нефтеквочки — 2, портовых рабочих — 4, нефтеперегонных заводов — 2, от домовладельцев — 2 человека. Обсуждались следующие вопросы: 1. Отчет депутатов о положении дел на местах, в Совете рабочих депутатов и Черноморском комитете. 2. Митинги и собрания. 3. Реорганизация социал-демократической организации.

Уже этот порядок дня собрания свидетельствует о тесной связи районного комитета с Черноморским комитетом РСДРП, руководимым в декабре большевиками, с Советом рабочих депутатов и широкими массами трудящихся. Районный комитет цементных заводов и порта был главной опорой Черноморского комитета РСДРП и руководимого им Совета рабочих депутатов и его Исполнительного комитета.

В создавшейся обстановке представители купечества стремятся войти в состав Совета, чтобы изнутри влиять на ход событий. 14 декабря в Совет поступило следующее заявление: «В Комитет рабочих депутатов — делегатов от торговцев г. Новороссийска заявление. 13 декабря из среды торговцев избраны два делегата — Е. Бобович и Бабин. Мы, делегаты, считаем нужным в общем заседании Совета рабочих депутатов выразить ему нашу солидарность с освободительным движением и указать Совету вескую цель политической забастовки и нецелесообразность торговой забастовки и высказать нашу мысль и нужды в заседании депутатов в нашем присутствии. Не станем высказывать нашу солидар-

ность и готовность идти рука об руку для достижения общей намеченной цели. Против нашего желания партия соц.-демократов почему-то считает нас врагами и заставляет нас организовать о-во, к-ое, к великому нашему сожалению, может встать вразрез с интересами партии соц.-демократов, после столь долгой борьбы привести к дурным последствиям, а потому ходатайствуем выслушать нас в назначенное Советом время, а также ходатайствуем о принятии нас в С. Р. Д. для представления избравших нас. Делегаты Бабин, Бобович. 14 дек. 1905 г., гор. Новороссийск»¹.

Собрание группы членов конституционно-демократической партии также избрало в Совет рабочих депутатов двух членов. Представители купечества и кадетской партии явились на первое же заседание Совета. После специального обсуждения их полномочий Совет отклонил представительство кадетской партии и купечества.

Насколько правильно поступили новороссийцы, может свидетельствовать мысль В. И. Ленина, высказанная им в статье «Социализм и анархизм»: «По существу дела Совет рабочих депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов... В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза. И если бы, например, «кадеты» или «партия правового порядка» набрали даже по несколько сот рабочих в свои петербургские организации, — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов едва ли бы открыл свои двери представителям подобных организаций»².

От приказчиков в Совет рабочих депутатов проскочил коммерсант Вильде как служащий одного из бакинских. Прежде чем появиться в Совете, он (по его словам, сказанным впоследствии) «приходил к А. А. Березникову за советом, можно ли ему вступить в Совет рабочих депутатов в целях достижения начала работ в порту, в чем я был заинтересован, как заведующий большим количеством зерновых продуктов, назначенных

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 254.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 130—131.

к экспорту». После первого заседания Вильде, пораженный революционной организованностью Совета, выбыл из него.

Впоследствии Никулин откровенно писал, что представители кадетской партии были избраны в Совет рабочих депутатов «с целью парализовать возможность крайних действий Совета». О том же говорил и гласный городской думы Лир: «Что было бы, если бы все устроились, заперлись дома? Это было бы равносильно тому, что мы бы предали город, граждан, их жизнь и имущество в распоряжение темной массы народа»¹.

Вице-губернатор также не бездействовал. Совершенно неправильным является утверждение некоторых авторов воспоминаний, что агенты царской власти проявляли бездеятельность в период своего пребывания в своеобразном подполье. Правительственные учреждения действительно «замерли», они были закрыты, но, как видно из архивных документов, скрывшиеся агенты царской власти ни на минуту не прекращали своей подрывной работы. В незнании этого и была коренная ошибка новороссийских революционеров, оставивших в покое недобитого врага.

Укрепившись в товарной конторе под охраной казаков, возобновив полицейские связи, Березников решил перейти в наступление. 15 декабря по соглашению с прибывшим командиром казачьего полка Котроховым он дал приказ сотне казаков графа Строганова под командой Котрохова совершить налет на штаб боевой дружины в доме Карпова, а также меблированные комнаты «Коммерческие», где, по агентурным сведениям, у Ф. Дубровина хранились бомбы. Перед казаками была поставлена задача: изъять оружие и арестовать штаб боевой дружины.

Представители царской власти в последующем расходились в описании этого похода. «Храбрый» жандармский ротмистр Мальдонато, просидевший весь день 15 декабря вместе с супругой и вице-губернатором на товарной станции под охраной оставшихся казаков,

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 851; д. 6, л. 203; д. 5, л. 7; д. 6, л. 108.

утверждал: «15/XII боевая дружина в д. Карпова при одном появлении казаков побросала все свое оружие и бежала, а казаки не подобрали почему-то это оружие».

Почему все же казаки не подобрали оружие, не арестовали ни одного дружинника и даже не побывали в помещении штаба дружины и в меблированных комнатах — словом, почему не выполнили задания?

Послушаем непосредственного участника этой «экспедиции», представителя полицейской власти пристава Чернышева: «Я ехал с сотней казаков... На перекрестках учились дружинники. Я казакам не имел права отдать приказание разогнать дружинников, но думаю, что казаки не могли бы справиться»¹.

Правда заключается в том, что казаки действительно встретили на главной улице города отряд боевой дружины, возвращавшийся с учения. Увидев казаков, отряд, не вызывая столкновения, проследовал в штаб, где быстро воздвиг баррикады. Казаки, не подъезжая к дому Карпова, повернули обратно, даже не попытавшись приступить к выполнению оперативного задания.

Когда сотня проезжала по сравнительно узкой дамбе в устье реки Цемес, навстречу им показалась ничего не подозревавшая боевая дружина цементных заводов, шедшая на обучение. Разойтись в походном строю казаки и дружина не могли. Создалось крайне напряженное положение. Столкновение казалось неизбежным. Сторонние наблюдатели советовали дружине возвратиться. Но дружина продолжала движение. По команде своего руководителя дружинники подтянулись и приготовились к бою. Вдруг раздалась звонкая команда казачьего офицера: «Налево галопом марш, марш!» Сотня, уступив дорогу дружине, прошла болотом левее дамбы.

Вечером 15 декабря Березников писал в Екатеринодар наказному атаману Кубанского казачьего войска: «В данное время положение следующее: город находится во власти революционеров, числом около 6 тысяч, собирающихся под предводительством своих главарей в Народном доме и 2-м Общественном собра-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 21.

нии; на вооружении у них состоит около 250 винтовок, 700 револьверов и 20 бомб. Наличных 3 сотен недостаточно как по малому составу сотен, так и потому, что возможно, что на предложение сдать оружие они ответят отказом и тогда придется выбивать революционеров штурмом из каменных зданий, что повлечет за собой излишние потери в казаках. Во избежание этих затруднений, я прошу вашего распоряжения об экстренном командировании в г. Новороссийск двух орудий и двух сотен пластунов из числа повинующихся, так как 15-й пластунский батальон, видимо, находится в волнении...

Помещение для просимого войска будет отведено в здании гимназии. Необходимо было бы введение военного положения, что невозможно без приезда ген.-майора Бабича (старший помощник командующего войсками Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, — В. С.). Не признаете ли вы, возможным прислать просимую помощь железной дорогой, принудив ее силой и взяв за поезда заложников во избежание крушения?

Положение Новороссийска крайне серьезное. Горжане обложены поборами, и производится реквизиция. Выезд из Новороссийска может быть только случайный, ибо железная дорога в руках революционеров. При неприсылке подкреплений возможно, что придется урупцам с администрацией отступать. Все сказанное — установленное совещанием с гг. военными и жандармскою властью при ближайшем участии моем и войскового старшины Котрохова».

Одновременно Березников посылает эстафету главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря, в которой сообщает, что Новороссийск во власти революционеров, и просит немедленно прислать военное судно для подавления революционного движения². Наказной атаман Кубанского казачьего войска не только не прислал подмоги из-за забастовки находившихся в Екатеринодаре сотен Урупского полка, но

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 576—577.

² ЦГАОР, ф. 83, д. 2, л. 1.

срочно отозвал из Новороссийска Котрохова, который был вынужден проделать путь до Екатеринодара верхом.

Березников 16 декабря вновь взывал к наказному атаману: «Считаю, что отбытие из Новороссийска войскового старшины Котрохова, на ком только и держится военная организация, — это начало окончательного торжества революционной партии, которая собирается объявить свое военное положение и, несомненно, повешать всех, которые преданы царю и законному порядку. Думаю, что торжество революционной партии в Новороссийске, несомненно, отразится положением торжеством в других соседних местностях. Положение во всех отношениях крайне опасное»¹.

Не имея возможности прислать подмогу, наказной атаман не мог разрешить и объявление военного положения, так как для этого надо было бы отправить в Новороссийск военного генерала, чего сделать в эти дни он не мог. События в Урупском полку страшны. Единственно, что нашел возможным предложить Березникову наказной атаман, — это объявить в Новороссийске положение о чрезвычайной охране.

16 декабря Березников объявил город и его окрестности на 20 верст в окружности на положении чрезвычайной охраны. Об этом сообщила газета «Черноморское побережье» 17 декабря 1905 года. Запрещены были всякие собрания, главари движения объявлялись подлежащими аресту².

Это вызвало возмущение в городе. Черноморский комитет РСДРП и Совет рабочих депутатов обратили к населению с призывом игнорировать приказ губернатора, пользоваться всеми завоеванными свободами под охраной боевой дружины и в случае необходимости прийти ей на помощь. Исполнительный комитет Совета по всем политическим клубам города и его окрестностей (цементные заводы и др.) назначил собрания-протесты:

¹ ЦГАОР, ф. 83, д. 2, л. 1.

² Появление этого сообщения в газете побудило Совет медленно объявить забастовку в типографиях и издательстве каких-либо материалов без разрешения Исполнительного

комитета.

с призывом к решительному бою. Собрания должны были проходить под охраной районных отрядов боевой дружины, приведенных в состояние боевой готовности. Непосредственно в распоряжении Исполнительного комитета находился резерв дружины для необходимого маневрирования. Отрядам, охранявшим собрания, был дан приказ при появлении казаков или солдат вступать в бой.

Исполнительный комитет превратился в боевой штаб. Некоторые члены комитета направились в районы для непосредственного руководства событиями. Связисты от них прибывали каждые четверть часа. Собрания во всех районах прошли совершенно спокойно. Березников не решился напасть на охраняемые вооруженным народом собрания и после 17 декабря отказался от дальнейших попыток открытого наступления.

Всенародное революционное движение пробуждало к политической жизни и войска. Усилились волнения среди солдат и матросов в отдельных частях армии и флота.

В связи с севастопольским восстанием матросов В. И. Ленин писал в ноябре 1905 года в статье «Войска и революция»: «Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось свое движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду»¹.

Недовольство и брожение проникло и в казачьи части. Большевики обращали большое внимание на работу среди войск по всей стране. Систематическую работу среди солдат и казаков вели военные организации большевиков при Тифлисском, Батумском и Северо-Кавказском комитетах РСДРП.

Черноморская социал-демократическая организация непрерывной работой среди местного гарнизона приобрела опыт воздействия на солдат путем массового распространения специальных прокламаций, небольших конспиративных собраний и открытого братания. Так, новороссийцам удалось нейтрализовать местный

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 111—112.

майкопский батальон, удержать казаков-пластунов от экспедиции в Батум и добиться, чтобы они отказались от несения полицейской службы и самовольно разошлись по станицам.

Теперь перед Черноморским комитетом встала задача нейтрализации единственной опоры царских властей в городе — трех сотен 2-го Урупского казачьего полка, находившихся в Новороссийске. Избегая столкновений с казаками, новороссийцы стремились путем братания добиться их отказа от полицейской службы и возвращения в станицы. В Екатеринодаре — центре Кубанского казачьего войска — та же работа велась среди расположенных там 1-й, 3-й и 5-й сотен 2-го Урупского полка, охваченного недовольством в связи с правительственной политикой использования казаков для несения полицейской службы.

16 декабря в Екатеринодаре забастовал 2-й Урупский казачий полк, предъявил наказному атаману требование из 43 пунктов и выпустил воззвание «Ко всем гражданам России!», в котором говорилось: «Слепо повинуюсь нашему начальству, мы ревностно исполняли все его приказания: били народ плетьюми, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улицах, топтали их конями... Мы категорически отказываемся от несения полицейской службы, ^{вила ее} преступность, считая ее несовместимой с воинской честью казака»¹.

Урупцы концентрировались в Екатеринодаре, куда и стягивали свои сотни, стоявшие в других городах. В 2 часа 10 минут дня 17 декабря из Екатеринодара была получена и немедленно передана по назначению следующая телеграмма: «Товарищи урупцы в Новороссийске. Мы, ваши товарищи Урупского полка в Екатеринодаре, с нетерпением ждем вашего возвращения, услышали, что вас подпоили и сбивают с толку. Мы ^{страшно} возмущены таким подлым приемом начальства. Товарищи, не поддавайтесь обману, опомнитесь и ^{под}держите своих товарищей — урупцев, соединившихся

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 415—416.

с народом, не идите на обман правительственных агентов, избивающих народ за свободу. Ваши товарищи — урупцы»¹.

В тот же день урупцы направили в Новороссийск делегацию для переговоров с земляками о возвращении их в Екатеринодар и присоединении к требованиям полка. Делегация прибыла в особом вагоне, предоставленном Екатеринодарским бюро союза железнодорожников.

Командир 2-го Урупского казачьего полка войсковой старшина Котрохов, устремившийся в Новороссийск, чтобы удержать стоявшие там три сотни от присоединения к остальным казакам полка, отказавшимся повиноваться начальству, не был допущен в вагон делегации и вновь вынужден был проделать путь верхом.

По прибытии в Новороссийск делегаты вместе с представителями Черноморского комитета РСДРП и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов обходили казачьи посты и убеждали казаков возвратиться в Екатеринодар.

Воззвание Черноморского комитета РСДРП «Братья солдаты и казаки», телеграмма и приезд делегации урупцев, общая обстановка в Новороссийске не могли не оказать влияния на казаков. Две сотни урупцев сняли свои посты и вместе с делегацией уехали в Екатеринодар особым поездом, предоставленным Новороссийским бюро союза железнодорожников. Полностью уехала 6-я сотня, почти полностью — 4-я и небольшая часть 2-й сотни.

Командир полка Котрохов и на этот раз возвращался в Екатеринодар на коне, в поезд его не допустили. Остатки 4-й сотни — 25 казаков выехали в Екатеринодар на следующий день, отказавшись присоединиться ко 2-й сотне для ее пополнения.

Как явствует из документов, брожением были охвачены не только казаки, но и некоторые офицеры, отказавшиеся присоединиться ко 2-й сотне, которой командовал палач 19 июля Безродный. Чтобы удержать

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 13, л. 198.

2-ю сотню казаков в Новороссийске, вице-губернатор выдал ей на угощение тысячу рублей, взяв из кассы «Общества Владикавказской железной дороги»¹.

В целях организации помощи нуждающемуся населению Совет решил «побудить думу немедленно организовать общественные работы в широких размерах». Совет запланировал корчевку и плантажирование 100 десятин городской земли с общей стоимостью этой работы 90 тысяч рублей. Особым воззванием Совет призвал принять участие в этих работах новобранцев, отказавшихся под влиянием событий от явки на призывные воинские участки.

Совет поручает Исполнительному комитету настаивать на энергичном сборе прогрессивно-подоходного налога с имущих классов населения и реорганизовать порядок его распределения, причем в распоряжение Исполнительного комитета должны были поступать две трети налога. Заведование организацией помощи перепадающим вследствие политической забастовки в ведении думской комиссии осталось лишь «оказание помощи остальному люду». В состав думской комиссии был введен член Исполнительного комитета, чтобы при оказании помощи вполне охранялись интересы рабочих.

Совет рабочих депутатов поручил Исполнительному комитету «немедленно разработать положение о народ-

ном суде». Личность членов Совета была признана неприкосновенной. За свои действия они отвечали только перед самим Советом и своими избирателями. Хозяевам торговых заведений запрещалось препятствовать служащим у них делегатам посещать заседания Совета или же делать вычет из их заработка за время, потраченное на эти посещения.

Ввиду военного времени Совет предоставил право своему Исполнительному комитету принимать в экстренных случаях, когда созыв Совета рабочих депутатов почему-либо окажется невозможным, самые широкие меры с последующим утверждением его действий.

¹ ЦГАОР, ф. 393, т. 31, л. 256—276.

Совет обсудил вопрос о позорном поведении газеты «Черноморское побережье» и принял развернутое, детально мотивированное постановление о ее закрытии¹. Это постановление приняли после продолжительных и ожесточенных споров большевиков с меньшевиками.

По специальному постановлению Совета рабочих депутатов произвели обыск в типографии Левина; напечатанные объявления губернатора о положении чрезвычайной охраны в городе были изъяты. Операцией руководил начальник боевой дружины Ф. Дубровин. 18 декабря на общегородском митинге населению сообщили о решениях Совета рабочих депутатов.

Вице-губернатор Березников в последующем так освещал события этих дней: «16/XII я объявил город и его окрестности на положении чрезвычайной охраны. В ответ на это Совет рабочих депутатов объявил, что в случае какой-либо репрессии он объявит партизанскую войну. В ночь на 18/XII ушла 6-я и половина 4-й сотни Урупского полка. Не тронулась лишь 2-я сотня неполного состава подьесаула Безродного. Положение стало очень сложным, особенно ввиду крайне невыгодного расположения сотни в вагонах и легкости, ввиду условий местности и устройства конюшен, действия против конского состава, чего казаки опасались и о чем, а также о бомбах заинтересованными лицами усиленно распространялись слухи. Решено было сосредоточиться в одном из вокзальных зданий. Отсюда уже казаки в разъезды не ходили, и город оказался во власти революционеров, а полицмейстера объявили вне закона и потребовали немедленного выезда из города»².

Упомянутый выше начальник телефонной сети Бартошек занес в свой дневник: «17/XII. Объявление и. д. губернатора о чрезвычайной охране оказалось только на бумаге, без всякого применения в действительности. Опечатана типография «Черноморского побережья».

В итоге событий 14—17 декабря вся власть сосредоточилась в руках Совета рабочих депутатов и его

¹ См. «Известия Совета рабочих депутатов г. Новороссийска» № 1, 18 декабря 1905 г.

² ЦГАОР, ф. 399, д. 19, л. 665.

Исполнительного комитета, руководимых большевиками и опиравшихся на боевую дружину. Представители царской власти были деморализованы. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, владетель типографии Левин впоследствии показывал: «...Когда какие-то люди предъявили мне требование, чтобы я все публичные объявления прежде выпуска из типографии представлял в Комитет С. Р. Д. Для разрешения, я сообщил об этом полицмейстеру Кирееву и спросил, как следует поступить. Полицмейстер ответил: «Представляйте в комитет». Изложенное имело место после объявления чрезвычайной охраны»¹.

Помощник начальника городской почтово-телеграфной конторы после долгих поисков нашел начальника гарнизона подполковника Григоровича, скрывавшегося в цейхгаузе. На просьбу дать охрану для почтово-телеграфной конторы Григорович ответил, что не может этого сделать, «так как у него только 53 ч.» а сотня казаков охраняет губернатора — а у милиции (то есть у боевой дружины. — В. С.) имеется артиллерия и пулеметы»². Старшие офицеры города решили предложить Березникову подать заявление о болезни и сдать должность кому-либо из старших должностных исполнению»³. Это предложение не было приведено в исполнение»³.

Жандармский ротмистр Мальдонато, один из влохно-показывателей погромных планов, так впоследствии показывал против своих «мужественных» соратников: «Перехав на пост пограничной стражи... Березников проявил излишнюю растерянность, он сам говорил, что не может оставаться губернатором, что он готов подписать отречение от власти. По словам ротмистра Сукина, Березников собирался даже уехать под покровительством французского консула на французском пароходе. По уговору моему... Березников, переодетый, в казачьей папахе, был в ночь на 13/ХІІ перевезен на вокзал. Жандармский унтер-офицер докладывал мне, что во время отсутствия с вокзала казаков, уехавших с пол-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 9.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 12, л. 14.

³ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 15, л. 10.

ковником Котроховым (15 декабря на задание арестовать штаб боевой дружины. — В. С.), Березников вместе с ротмистром Давыдовым скрывался, лежа завернутым в бурку на нарах в помещении казачьей сотни. Сверх того, бывший тов. прокурора Платковский агитировал среди войск и казаков, а равно заявил, что он заручился обещанием получить прокурора народного суда для себя в случае торжества революционеров. Жандармский ротмистр Давыдов вместо исполнения своих обязанностей скрывался вместе с г. Березниковым в помещении сотни казаков».

Потерпев поражение в открытом наступлении, деморализованные правительственные агенты, опираясь на неуничтоженную сеть шпионов и провокаторов, продолжали действовать. Всякими путями они стремились ухудшить материальное положение безработного и бастующего люда и натравить наиболее темные элементы на революционную власть. Совершается покушение на члена Совета А. Зелено. Убиты руководитель стачки поденных грузчиков Перевошиков и служащий старого цементного завода агитатор-дружинник С. Светов¹.

В ночь с 18 на 19 декабря Березников во главе казаков неожиданно сделал вооруженную вылазку из товарной конторы и напал на охраняемое думской дружиной отделение Государственного банка. Он предложил управляющему отделением сдать ему ценности Государственного банка, потому что «при настоящем положении дела и недостаточности воинской силы... он снимает с себя всякую ответственность за охранение кладовой отделения»².

Несмотря на отказ управляющего и его настойчивые заверения, что кладовой банка никакой опасности от революционеров не грозит (что он неоднократно утверждал и впоследствии), Березников изъял 1 456 тысяч рублей кредитными билетами и 194 450 рублей процентными бумагами. Управляющему удалось оставить лишь 400 тысяч рублей для текущих операций. Если бы ;)то не было сделано, город был бы поставлен в исключительно тяжелое положение.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 210, 470.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 20, л. 1060.

Похищенные вследствие отсутствия революционной бдительности полтора с лишним миллиона рублей были отвезены в товарную контору станции Новороссийск под охрану 2-й сотни Урупского казачьего полка. «Перенос денежного сундука банка во 2-ю сотню еще более приковал последнюю к месту»¹, — писал потом Березников.

Одновременно среди отсталых масс вновь прибывших с Азова безработных портовых грузчиков распространялись слухи о злоупотреблениях в комиссии по сбору и распределению средств. 19 декабря значительная толпа портовых поденных грузчиков, поднятая провокаторами, устремилась к помещению городской управы. Возбуждение, разжигавшееся в толпе агентами охранки, было действительно сильно, но представителям Совета удалось в конце концов овладеть положением и превратить буйное сборище в организованный митинг с отчетом комиссии по сбору и распределению средств. Выступления руководителей Совета внесли успокоение, опасность стихийного взрыва была предотвращена. Провокация сорвалась.

После митинга Черноморский комитет РСДРП созвал заседание Исполнительного комитета Совета с представителями комитета боевой дружины. Решено было срочно собрать Совет и предложить ему назначить на 20 декабря митинг и демонстрацию единства революционного движения, а также возобновить работы на предприятиях местного значения.

Через час после заседания полицеймейстер Киреев уже доносил Березникову о решениях совещания его агента внутри революционных организаций работала. Реакция знала больше и лучше о планах революционной власти, чем революционеры о замыслах агентов царской власти.

19 декабря вечером состоялось третье заседание Совета рабочих депутатов, на котором был принят важный решений. Совет предложил городской думе установить таксу на съестные продукты, чтобы положить конец спекуляции, и немедленно открыть общественные

¹ ЦГАОР, ф. 393, он. 1, д. 10, л. 665; д. 11, л. 17; Д. 19, л. 1060.

венные работы по раскорчевке городских участков, организовав безработных в артели. Решено было также прекратить забастовку на частных предприятиях.

Исполнительный комитет немедленно довел до сведения населения о постановлениях Совета: «В своем заседании 19 декабря Совет рабочих депутатов по вопросу о дальнейшем способе ведения политической забастовки постановил:

Принимая во внимание, во-первых, что новороссийский пролетариат 11-дневной забастовкой доказал свою солидарность с общерусским освободительным движением и полную готовность бороться за свободу,

во-вторых, что масса рабочего населения истощена до последней степени и нуждается в отдыхе для продолжения великой политической борьбы, и,

в-третьих, что прекращение работ во многих производствах не имеет непосредственного значения в смысле дезорганизации преступной государственной власти, а является главным образом проявлением сочувствия борцам за свободу, —

Совет рабочих депутатов постановил: возобновить в 2 ч. дня 20 декабря работы во всех производствах, кроме железной дороги, почты и телеграфа.

Прекращая на время всеобщую политическую забастовку, за указанным исключением, Совет рабочих депутатов уверен, что все рабочие г. Новороссийска вновь бросят работы и возьмутся за оружие по первому призыву своих руководителей.

До начала работы Совет рабочих депутатов приглашает все население г. Новороссийска к деятельному посещению митингов, назначенных на 10 ч. дня 20 декабря, откуда направиться на демонстрацию, имеющую целью показать силу организации рабочего класса г. Новороссийска.

Примечание 1. Запрещается вывозить на пароходах съестные припасы без разрешения Исполнительного Комитета С[овета] р[абочих] д[епутатов].

Примечание 2. Почтово-телеграфным служащим разрешается в течение 2 дней до праздников разбирать и доставлять из городской конторы частную, простую, заказную и денежную корреспонденцию.

3. Экономическая забастовка портовых грузчиков продолжается.

Примечание 4. Все винные, пивные лавки и рестораны частных лиц открываются; казенные винные лавки должны быть закрыты. Магазины торгуют, как торговали до политической забастовки.

Примечание 5. За участие в политической забастовке никто не может быть уволен¹.

Демонстрация началась, как и прежние, с цементных заводов. Стройными колоннами с красными флагами двинулись рабочие с оркестром и боевой дружиной во главе по направлению к городу. На пути к ним примыкали колонны грузчиков порта и железнодорожники. К часу дня отдельные колонны соединились на главной, Серебряковской улице и двинулись к городской управе. Подойдя к управе, колонны остановились. Из них выделились два отряда боевой дружины, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками Серебряничьими ружьями. Один отряд занял конец Сербряковской улицы, а другой расположился вдоль городского бульвара, чтобы не допустить внезапного нападения казаков. Вооруженные револьверами и холодным оружием дружинники опоясали колонны. По углам прилегающих улиц расположились бомбометатели. Начался митинг. С балкона городской управы выступили представители РСДРП и Совета рабочих

депутатов² демонстрации Родной вспоминает в статье «Перед рассветом», помещенной в «Пролетарском Черноморье» 24 декабря 1930 года: «20 декабря. День смотра боевых сил. С самого утра город наполнен народом. Приходит дружина с цементных заводов и порта — несколько сот человек. Соединяется с городской дружиной. Со всех сторон стекаются рабочие. Открывается оркестр музыки, красные знамена. Идут грандиозная демонстрация, колонны и стройном порядке. Безопасность их охраняется вооруженными бомбами. Демонстрация чими, «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II

стр. 579—580.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 717.

Вооруженная демонстрация в Новороссийске в декабре 1905 года.

дид к городской управе. На балконе ее знамя с надписью: «Смерть тиранам», а под знаменем свои близкие... «Клянетесь ли вы, т-щи, стоять и биться до последней капли крови, чтобы удержать то, что в настоящее время имеете?» — звучит боевой призыв с балкона. «Клянемся!» — отвечает толпа.

Демонстрация показала действительное единство и мощь рабочего движения Новороссийска, которое нельзя было поколебать провокационными трюками агентов царизма.

Полицией мастер Киреев спешно доносил (без указания адресата), что толпа на митинге требовала расстрела Березникова за похищение из банка народных денег.

После демонстрации отряд боевой дружины цементников (около 30 человек) занял помещение полицейского управления, арестовал находившегося там секретаря, помощника пристава Семича и потребовал выдачи револьверов¹.

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 15, л. 10—11.

20 декабря боевая дружина цементных заводов под командованием Ф. Шмидта получила задание разыскать и арестовать губернатора Березникова. Имея сведения, как выяснилось ложные, что губернатор и начальник округа находятся в имении князя Голицына, на 16-й версте от Новороссийска, отряд из 50 дружинников окружил и подверг обыску это имение и конфисковал имевшееся там оружие. О том, что губернатор, жандармские ротмистры и другие представители царской власти скрывались на товарной станции, **Исполнительный** комитет Совета долгое время не знал.

21 декабря в Народном доме состоялся большой митинг с участием представителей районов; на котором рабочие потребовали решительных действий по отношению к скрывающимся, но действующим врагам революции.

После неудачи с провокацией 19 декабря растерянность среди агентов царской власти усилилась, теперь все их надежды возлагались на помощь извне.

После митинга 21 декабря полицеймейстер Киреев писал Березникову: «Если не подойдет помощь, то принимайте меры к защите себя и других окружающих вас, ибо готовят нам пытки».

Березников и воинский начальник подполковник Григорович обмениваются раздраженными рапортами и отношениями, пытаясь свалить друг на друга ответственность за создавшееся положение. Березников, исходя из численности гарнизона, находящегося в распоряжении Григоровича, в 200 человек, требует установить охрану банка и казначейства, грозя «всепопданнейшим рапортом на высочайшее имя»¹. Он, конечно, прекрасно понимал, что начальник гарнизона, в условиях когда две трети гарнизона заняты охраной его особы, а банк с остатками ценностей и казначейство охраняются после событий 18—19 декабря боевой дружиной, не мог выполнить его предписаний.

Воинский начальник отвечал, что, «конечно, бумага все терпит, но не могу вести команды к разложению, и невозможное останется невозможным. Лично, чтобы

¹ ЦГАОР, ф. 83, д. 2, л. 4.

сохранить силы солдата, — писал Григорович, — я могу и ходил сам ночью в патруль, но из одного солдата сделать двух я не в состоянии, как бы ни были грозны наказания и приказы»¹. Подполковник дерзит его превосходительству камергеру двора, но положение крайне щекотливо.

В этой обстановке Березников вновь настаивает перед наказным атаманом Кубанского казачьего войска на присылке помощи, разъясняя, что он, Березников, с наличным гарнизоном бессилен перед перспективой партизанской войны, к которой прибегнут революционеры, так как «партизанская война для нападающих легка (многочисленная революционная дружина), а для нас и обывателей опасна, в частности же для войск утомительна». Находясь действительно в осадном положении, губернатор просит прислать под начальством генерала две сотни казаков-пластунов и два орудия. Он предупреждает, что в случае отказа «мы вынуждены будем отступить в пределы Кубанской области, бросив город на произвол революционеров»².

Потеряв надежду на помощь наказного атамана, Березников шлет эстафету командующему войсками Одесского военного округа: «Новороссийск во власти революционеров. Помощи ниоткуда нет. Прошу прислать батальон и взвод артиллерии». 22 декабря он взывает, наконец, к главному командиру Черноморского флота: «Революционеры под прикрытием боевой дружины силою около 300 чел., вооруженных ружьями, и около 700 чел., вооруженных револьверами, захватили гор. Новороссийск в свои руки, обложив жителей разного рода принудительными поборами, и принудили чинов местной администрации прекратить свою деятельность, выбрали свое правительство, действуют диктаторски». Он просит прислать батальон пехоты со взводом артиллерии»³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Березников, имевший большие личные связи в придворных сферах, ни разу не просил помощи от центра

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 585.

² ЦГЛОР, ф. 83, д. 2, л. 5—7.

³ Там же, л. 8.

и Кавказского наместничества. По-видимому, он имел достаточную информацию из «сфер», чтобы считать положение центральной власти и Кавказского наместничества критическим.

Последующие события 23—25 декабря и поведение отдельных слоев населения определялись в основном распространившимся известием о карательном отряде из добровольцев-казаков, идущих с артиллерией из Екатеринодара для подавления революционного движения.

В городе вновь стала поднимать голову черная сотня. Биржевые круги также пытаются нанести удар по рабочим.

Ночь с 23 на 24 декабря прошла напряженно. Боевая дружина охраняла город и окраины. Под руководством Ф. Дубровина был произведен ряд обысков и арестов черносотенцев. Рабочие цементных заводов открыли мастерские и всю ночь под звуки революционных песен чинили ружья, револьверы, ковали пики. Цементники готовились к отпору наступающей реакции¹.

С утра 24 декабря по городу было расклеено открытое письмо Исполнительного комитета Совета вице-губернатору Березникову. Исполнительный комитет обвинял Березникова перед лицом всего населения города в том, что он пытался ввести в городе положение чрезвычайной охраны, злоупотребляет вооруженными силами казаков для охраны собственной личности, похитил у народа более полутора миллионов рублей и расходует их на подкуп и спаивание своей охраны и черносотенцев города. «Нашим же братьям, казакам, вы и ваши прислужники рассказываете сказки о необходимости охранять народные деньги от самого народа. Нет, народ знает, что самой большой опасности подвергаются народные деньги тогда, когда ими бесконтрольно распоряжаются чиновники... Народный суд, организуемый Советом рабочих депутатов, вынесет вам свой приговор, а мы предлагаем вам немедленно возратить Гос. банку похищенные вами деньги».

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, Д. 19, л. 531.

Днем 24 декабря к Новороссийской бухте подошел и остановился на внешнем рейде броненосец «Ростислав». Черноморский комитет РСДРП немедленно созвал в Народном доме общегородской митинг. Представители Исполнительного комитета сообщили, что из Екатеринодара в Новороссийск направляются карательный полк казаков-добровольцев для разгрома революционного движения, и призвали население к партизанской борьбе с врагом.

В этой тревожной обстановке полицеймейстер Киреев предлагал Березникову повторить провокацию, подобную той, которая была сорвана Советом 19 декабря. Враг в подполье готовил свои «кадры». Теперь эти «кадры» черносотенных «патриотов»-хозяйчиков хотели использовать с целью провокации в новой обстановке, с тем чтобы разгромить штабы и местные центры революционного движения. По-видимому, предполагалось использовать и думскую дружину городской охраны. Таков был план врага.

Грозная опасность нависла над городом. К этому времени были уже подавлены московское и ростовское вооруженные восстания, царизм торжествовал победу.

Однако события показали, что работа, которую вели социал-демократы среди думских охранников, наличие между ними людей, преданных рабочей власти, естественное братание на постах дружинников и думских охранников дали свои результаты. 24 декабря дружина городской охраны самочинно собралась в помещении думы, пригласила городского голову Никулина и, избрав председателем присутствовавшего на собрании начальника боевой дружины Ф. Дубровина, поставила вопрос о смене своего начальника отставного подполковника Петрова — секретаря управы, который, по заявлениям выступавших, был связан с полицеймейстером Киреевым.

Попытки Никулина не допустить обсуждения поставленного вопроса, подлежащего компетенции только городской думы, притом на самочинном собрании и в отсутствие Петрова, успеха не имели. Собрание постановило снять Петрова с руководства и избрало начальником охраны служащего городского управы Волкодава.

На другой день, несмотря на праздник «рождества Христова», собралась вся управа и по докладу Никулина решила стражников обезоружить¹.

Двадцать стражников, верных городской думе, сдали оружие. Остальные с оружием в руках установили контакт с боевой рабочей дружиной и влились в нее на положении особого отряда.

Никулин сбросил маску «друга народа», которой он пытался прикрыться, искусно маневрируя между Березниковым — Киреевым и революционными организациями. В последующем он с предельной ясностью излагал мотивы своей политической активности. «Все мои действия были направлены исключительно к предупреждению волнений и погромов, — писал он. — По моей инициативе выпускались думою воззвания к населению и рабочим с целью парализовать влияние прокламаций, призывавших к восстанию, а также против забастовки... Я старался организовать в Новороссийске еще в начале движения самую умеренную в то время партию кадетов, дабы внести как можно больше элемента умеренности во все движение, охватившее город. Я принимал меры против забастовки ж.-д., для чего неоднократно назначал специальные заседания биржевого комитета... Я писал статьи против забастовок в газете «Черноморское побережье»... После первого же самовольного собрания охранников гор. охраны... я распорядился отобрать у всех охранников револьверы и патроны...»²

Как уже отмечалось, броненосец «Ростислав» стоял неподвижно и загадочно на внешнем рейде. Десанта морской пехоты он не высадил и никакой связи с городом не установил. Было тревожно, ведь одним залпом своих орудий броненосец мог сжечь город...

К концу дня 24 декабря «Ростислав» внезапно поднял пары и вскоре скрылся за горизонтом. Как потом стало известно, офицеры корабля не полагались на свою команду.

На смену «Ростиславу» пришел броненосец «Три Святителя» и встал на внешнем рейде. Установить

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 21, л. 851.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 5, л. 7; д. 6, л. 108.

с ним связь также не удалось, десанта и он не высадил.

На цель прибытия «Трех Святителей» проливают свет последующие показания воинского начальника подполковника Григоровича: «Я обратился к адмиралу Чухнину с просьбой о высылке военного судна для водворения порядка в Новороссийске. «Три Святителя» был призван для того, чтобы в случае арестов революционеров перевезти этих последних на него ввиду того, что в Новороссийске не было достаточно мест заключения, и в помощь на тот случай, если бы эти аресты вызвали какие-либо активные наступательные действия среди населения Новороссийска. На вопрос к капитану броненосца: «Зачем же он прибыл, если не хочет посадить ни одного матроса?» — капитан ответил: «Для поднятия морального духа».

По-видимому, командир «Трех Святителей», так же как и командир «Ростислава», мало был уверен в возможности разгромить революционное движение в Новороссийске.

24 декабря по предложению Черноморского комитета РСДРП состоялся военный совет Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов с участием членов бюро железнодорожного союза и руководителей боевых дружин. Обсуждался вопрос о наступлении казаков. Было заслушано сообщение председателя бюро железнодорожного союза А. Зелени о результатах порученных ему переговоров с Екатеринодарским бюро железнодорожного союза. Зелень огласил полученную из Екатеринодара телеграмму.

Как потом стало известно, когда на станцию Екатеринодар прибыли казачьи воинские части для следования в Новороссийск с целью подавления восстания, в депо состоялось собрание местных железнодорожных служащих под председательством инженера А. Ровникова. Обсуждался вопрос: как поступить ввиду предъявленного военным начальством требования пропустить поезда с воинскими частями? Собрание единодушно решило поддержать новороссийских товарищей и не допустить воинские поезда в Новороссийск. А после собрания состоялось секретное совещание машинистов

й их помощников для решения вопроса, каким конкретным способом задержать казаков¹.

В телеграмме, которую огласил Зеленья на военном совете, сообщалось: «Поезда от нас даны не будут. Могут принять насильственные меры, тогда вы примите меры осторожности. Во-первых, путь из главного входного в Новороссийске поставьте не на мол, как стоит теперь, а прямо на первую эстакадную пристань, чтобы поезд, если пойдет насильно, мог въехать прямо в море. Это первое условие: дальнейшие меры, я полагаю, вы примете сами. Наши машинисты между собой секретно выработали условия предупреждения въезда в Новороссийск, но это их крайняя мера, если не удастся провести им выработанный секретный план, то крайняя их мера — ехать прямо в море с открытым паром из Гайдука. Мы же примем самые крайние меры, чтобы поездка не состоялась. Вы же имейте в виду из Майкопа, которые могут к вам приехать морем или прийти пешком, а также могут сделать и Славянцы»².

План крушения казачьих поездов был рассчитан на особенности железнодорожного пути при въезде в Новороссийск. Дело в том, что от пригородной станции Гайдук начинается горный спуск к морю. Для предупреждения крушения или проезда станции по направлению к пристаням поезда следуют обычно все время на тормозах во избежание развития чрезмерной скорости. Поезда, пущенные со станции Гайдук без тормозов с открытым паром по пути, ведущему на эстакадную пристань, неминуемо нашли бы гибель на дне Новороссийской бухты.

План был принят. Дружина приведена в боевую готовность.

Исполнительный комитет обратился к населению города со своим последним воззванием:

«При первой попытке со стороны казаков или правительственных властей обезоружить население, разогнать митинг, лишиться нас свободы печати, арестовать ваших представителей — мы все должны подняться,

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 986.

² Там же, л. 686.

как один, в защиту своих свобод и вступить в партизанскую войну с этой наемной шайкой; каждый забор, каждый куст, каждый дом должен сделаться прикрытием, каждый лом, пики, косы, ножи, не говоря уже о револьверах и ружьях, должны сделаться смертоносным оружием против народных врагов; каждый гражданин, воодушевленный стремлением к свободе, должен стать воином и исполнить свой долг защиты народных свобод. Теперь настала пора доказать нашу верность принятому девизу «Свобода или смерть».

Примите же, граждане, последний бой.

Да здравствует свобода! Долой разбойничье самодержавие!

Совет рабочих депутатов¹.

Воззвание раздавалось по рукам и было расклеено на улицах по всему городу.

В ночь с 24 на 25 декабря революционный город бодрствовал. Члены Исполнительного комитета, кроме дежурных при штабе, находились в районных клубах вместе с районными дружинами. Уже около десяти дней, со дня выборов Совета рабочих депутатов, рабочие цементных заводов и портовые грузчики были в большом напряжении. В казармах каждую ночь были усиленные вооруженные караулы, рабочие спали чутким сном, не выпуская оружия из рук, готовые подняться в любую минуту.

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 582.

ПАДЕНИЕ «НОВОРОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Декабрьские вооруженные восстания в Москве и других промышленных центрах страны были подавлены с бесчеловечной жестокостью. Царское правительство спешило добить революцию. Карательные экспедиции свирепствовали по всей стране.

Удержать казаков в Екатеринодаре не удалось. Они погрузились в поезд и отправились в Новороссийск. Новороссийцы следили по телефону за каждым железнодорожным пролетом их продвижения.

25 декабря с утра контрреволюция, осведомленная о выезде казаков, приободрилась: кое-где появились постовые городовые, делались попытки погромной агитации и выступлений, но патрули боевой дружины решительно их пресекали. Так, пристав 1-го участка доносил: «Сего 25 декабря в 7 час. веч. явился городской Мешковский и заявил, что несколько неизвестных человек из числа дружины, отняв у него шашку и сорвав свисток, побили и прогнали с поста». Дружинники задерживали осмелевших погромщиков. Начальник боевой дружины Ф. Дубровин, твердой рукой поддерживавший революционный порядок, доносил Исполнительному комитету: «На Дм. Никольского поступило несколько донесений, что он организует совместно с Орловым, Сорочинским и женой Мальдонато черную сотню и предлагал несколько ружей; свидетели еще не допрошены. Могут ли я держать его до народного суда, но сейчас здесь помещения нет, где бы его содер-

жать; дружинники требуют, чтобы с ним разделаться строго»¹.

Все попытки контрреволюционных выступлений были ликвидированы в самом начале, весь день в городе царил революционный порядок. Среди революционеров не было никакой растерянности. Все находились на своих местах, ожидая распоряжений Исполнительного комитета.

К вечеру пришло неожиданное известие: казаки, доехав до станции Тоннельной (19 километров от Новороссийска), перед горным перевалом высадились из вагонов и в пешем и конном строю, при шести пушках направились в город. Враг узнал о плане крушения казачьих поездов. Осуществить его не удалось.

Получив сообщение о приближении казаков, Исполнительный комитет расставил передовые посты дружины на горных подходах к городу с севера и созвал экстренное заседание Совета рабочих депутатов. Это было четвертое заседание Совета. Оно состоялось на окраине города в клубе старого цементного завода под охраной местной боевой дружины. Все депутаты были с оружием. Исполнительный комитет доложил об обстановке: план крушения карательного поезда сорван; казаки с артиллерией приближаются к городу; на внешнем рейде стоит броненосец «Три Святителя», намерения его неизвестны, установить связь с командой не удалось; ждать помощи извне невозможно; вооруженные восстания в Москве и Ростове подавлены.

С полным самообладанием члены Совета обсудили создавшееся положение и постановили: ввиду безнадежности сопротивления и в интересах сохранения революционных сил Совет рабочих депутатов распустить; предложить членам боевой дружины и всем активным участникам движения, которым грозит опасность ареста, малыми группами с оружием просачиваться на юг, в Грузию, где еще продолжалась борьба.

К концу заседания, когда начало темнеть, передовые посты дружинников донесли, что казаки спускаются с гор и вступают в город. Едва участники заседа-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 49, л. 1072.

ния успели разойтись по горным тропам среди кустарников в направлении метеорологической станции, как передовые казачьи отряды ворвались на территорию цементного завода.

На самой вершине горы, у подножия которой стоит старый цементный завод, в помещении метеорологической станции состоялось еще одно заседание Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов совместно с комитетом боевой дружины и членами руководства Черноморского комитета РСДРП. Решили перевести Черноморский комитет РСДРП в подполье для продолжения партийной работы, для чего выделили группу товарищей. Участникам движения, хорошо известным в городе, предложили немедленно покинуть его. Были даны последние технические указания уходящим из города группам дружины.

Узнав о приближении казаков, жители окрестных сел кое-где пытались организовать поход на помощь новороссицам. Так, по донесению начальника округа, в деревне Марьяна Роща поселяне Эдуард Цымер, П. Черненко, Дм. Костюченко и Дм. Шульженко «подбивали поселян деревни ехать по дачам к селению Геленджик для отбирания оружия и отправки в гор. Новороссийск для сопротивления против пришедших казаков»¹.

Отношение поселян к падению революционного города может быть охарактеризовано также фактом, имевшим место в первое же утро по приходе казаков. Часть активных участников движения, пробираясь после падения города по Черноморскому побережью в Грузию, остановилась в Геленджике. Они были узнаны как «ораторы» из города: немедленно к зданию, где они находились, собрались местные черносотенцы и пытались их задержать, чтобы доставить в Новороссийск, на улицах которого казаки уже оглашали приказ генерала Пржевальского о больших денежных наградах за головы руководителей движения.

Весть о приходе «ораторов» из города и об осаде их черносотенцами быстро разнеслась по селению. При-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 19, л. 237.

бывшие поселяне отбили новороссицев и устроили митинг, на котором попросили их выступить. После митинга поселяне тепло проводили своих друзей в направлении на Перевал. Дружеский приют революционеры находили на побережье всюду, их узнавали, оказывали им содействие, но это не могло спасти их от ищеек царского правительства.

В ночь г. 25 на 26 декабря по городу были расклеены объявления временного генерал-губернатора генерал-майора Пржевальского об объявлении Новороссийска и Новороссийского округа на военном положении. Началась военная диктатура. Повальные обыски сопровождались арестами и избиением арестованных.

Ф. Дубровин вспоминает об обыске на цементном заводе: «Окружив завод, казаки-добровольцы принялись за обыски и аресты рабочих, жестоко избивая их прикладами, издеваясь и приговаривая: «Вот тебе свобода, а вот земля и воля!» Избитых до полусмерти рабочих побросали в товарные вагоны, где они пробыли более суток без пищи, воды и медицинской помощи, а потом их отправили в тюрьму. Тюрьмы Новороссийска и Екатеринодара были забиты арестованными по делу «Новороссийской республики»¹.

Шпионы и провокаторы творили свое грязное дело. По железнодорожной ветке Новороссийск — Екатеринодар, а также по шоссе побережья Новороссийск — Джубга были установлены кордоны. Щупальца розыска участников движения протянулись по всей стране. Часть руководителей движения была арестована в самом Новороссийске. Оставшиеся в городе начальник боевой дружины Ф. Дубровин и член Исполнительного комитета Совета инженер Лейбович были арестованы в первую же ночь по взятии города казаками. Лейбович при аресте был избит, ему выбили глаз.

Члены Исполнительного комитета Совета И. Гольман и А. Зелена были опознаны и арестованы в Армавире, депутат Совета Г. Мамуляц — в Баку. Другие активные участники движения были арестованы в Ростове-на-Дону, в Архангельске и даже в Финляндии.

¹ «Пролетарий Черноморья» № 257, 1930 г.

Председатель и секретарь Совета рабочих депутатов Николаев и «Борис» (Сокольский) через несколько дней после прихода карателей тайно возвратились в город. Но обстановка контрреволюционной диктатуры исключала возможность их подпольной работы как лиц, хорошо известных в городе. Сутки скрывали их грузины-грузчики в трюме английского парохода, стоявшего у причалов старого цементного завода, а затем, заgrimировав и снабдив деньгами, с большими предосторожностями отправили в направлении Геленджика.

После падения «Новороссийской республики» 25 декабря 1905 года и отступления революционных сил перед во много раз превосходящими силами противника Черноморский комитет РСДРП и рабочие Новороссийска не прекратили революционной борьбы. Оставшиеся в подполье социал-демократы продолжали работу в исключительно тяжелых условиях военной диктатуры и массовых арестов.

8 января 1906 года в доме Филиппа Дубровина в Мефодиевском поселке при печатании прокламации Черноморского комитета с призывом к продолжению борьбы были арестованы брат Филиппа Евстигней, Л. Зварич, Елена Передерий. Заключенные в тюрьму участники революционного движения письмами ободряли товарищей на воле, выражая твердую уверенность в окончательной победе революции¹.

Рабочие цементных заводов ответили на введение военного положения забастовкой протеста. Грузчики героически продолжали забастовку, начатую еще в ноябре.

Либерал Леонтович возобновил издание газеты «Черноморское побережье». Передовую статью первого номера возобновленной газеты Леонтович начал следующими словами: «Только теперь, при введении военного положения, мы получили возможность сказать свободное слово».

Выступление кадета Леонтовича перекликалось с выступлением московского городского головы октябриста Гучкова, который под новый, 1906 год, чокаясь

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 25, л. 256.

с кровавым генерал-губернатором Москвы Дубасовым, говорил: «В нашем содействии Вы не должны сомневаться. Всякий из нас готов положить на это дело (на разгром революции. — В. С.) все свое разумение, все свои силы. Но вместе с тем велико то значение, которое выпало на вашу долю в данном деле как нашего руководителя»¹.

Рабочие Новороссийска потерпели поражение, но они не были сломлены. По выражению рядового участника движения Родного, «рабочие унесли свои мысли о будущей своей революции в подполье: в гнилые заводские казармы, под старые баркасы, в землянки «Трапезунда»².

В связи с отходом на юг отдельных групп новороссийской боевой дружины на юге Черноморской губернии усилилось революционное движение. Под руководством местных социал-демократических организаций вспыхнули восстания в Туапсе, Сочи и других городах, заставившие генерал-губернатора Пржевальского и наместника на Кавказе настаивать перед департаментом полиции о присылке дополнительных подкреплений казаков и морского десанта.

Новороссийские рабочие и в дальнейшем, несмотря на террористическую военную контрреволюционную диктатуру царского сатрапа Пржевальского, активно участвовали во всех политических событиях страны в 1906 и 1907 годах. Уцелевшие от арестов дружинники и руководители движения приняли активное участие в борьбе, еще продолжавшейся в Сочи, Туапсе и в Гурии. В дальнейшем свой боевой опыт они использовали в работе революционного подполья и в период борьбы за победу Великой Октябрьской революции.

Забив тюрьмы Новороссийска и Екатеринодара арестованными, царское правительство решило со всей присущей ему жестокостью отомстить революционному городу, сломить физически и морально участников движения, уничтожить основную их массу и терроризировать рабочее население.

¹ «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II, ч. II, стр. 69.

² «Пролетарий Черноморья» № 295, 1930 г.

Два года продолжалось следствие, до самой революции 1917 года охранка разыскивала ускользнувших из ее лап руководителей движения.

Правительство мстило своим пленникам. Все арестованные по делу «Новороссийской республики» были переведены в Екатеринодарскую тюрьму. В тюрьме свирепствовал тиф. Заключенные содержались в кандалах. В 1908 году в тюрьме произошло таинственное убийство обвиняемого Балухты.

Тянулись дни заточения, проходили месяцы, годы. Подтачивалось здоровье заключенных.

Обвиняемые и их родственники добивались ускорения судебного процесса, но правительство маневрировало. В большей части страны революционное движение было подавлено, но на Кавказе и особенно в Закавказье еще польхали его зарницы. Правительство боялось судебным процессом вызвать новые волны протеста.

Только 25 ноября 1908 года наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков по соглашению с министром внутренних дел и министром юстиции нашел наконец возможным назначить заседание Кавказского военно-окружного суда по делу «Новороссийской республики». Обвинение было предъявлено по 1-й части 100-й статьи Уголовного уложения, каравшей смертной казнью.

Решение военно-окружного суда, приговорившего руководителей движения к 10 годам каторжных работ, не удовлетворило правительство. Приговор был кассирован. Для подсудимых опять потянулись мучительные дни и ночи ожидания нового процесса с перспективой приговора к смертной казни.

Наступил 1909 год — четвертый год предварительного заключения.

Второй процесс начался 7 июля 1909 года. Штаб Кавказского военного округа зорко следил за происходившим процессом. Казалось, все меры к точному проведению директивы правительства были приняты. Однако приговор суда оказался **полной неожиданностью**. Суд отверг совершенно 100-ю статью Уголовного уложения, как 1-ю, так и 2-ю ее части, и приговорил подсудимых — руководителей движения по 125, 102 и 132-й статьям Уголовного уложения к поселению.

Прокурор суда Ладыженский, по-видимому согласный с решением суда, пропустил сроки кассационного протеста, и приговор вступил в законную силу. Правительство увольняет Ладыженского, вопреки собственному процессуальному кодексу восстанавливает срок кассационного протеста, кассирует приговор и назначает в третий раз разбирательство дела «в ином составе присутствия».

Вновь бесконечной чередой потянулись дни и бессонные ночи в ожидании приговора. Проходит еще год.

Третий судебный процесс начался 22 февраля 1910 года — на пятом году предварительного заключения обвиняемых.

Правительство тщательно подобрало состав суда.

Защитники не скрывали перед близкими подсудимых серьезности положения. Так, петербургский присяжный поверенный Хомянтовский на приглашение прибыть в третий раз на процесс ответил: «К сожалению, я должен отказать Вам в просьбе: мой приезд бесполезен. Роль защитников в настоящем процессе сводится к роли факельщиков в погребальной процессии. Приговор предрешен, это я знаю из самых верных источников».

Обвиняемые, по словам защиты, были неузнаваемы. Некоторые не могли передвигаться и были доставлены в суд на подводах. С заседания суда многих приходилось по нескольку раз отправлять в тюремную больницу. Исидор Рамишвили не дождался третьего процесса, он умер в тюрьме от туберкулеза легких.

Суд проходил в напряженной обстановке резких столкновений защиты и прокурора, окриков председателя суда по адресу защиты.

В 9 часов 50 минут вечера 11 марта 1910 года суд удалился в совещательную комнату.

В 2 часа 38 минут пополуночи на 12 марта суд возвратился в зал заседания, и председательствующий огласил смертный приговор руководителям движения Рабиновичу-Лейбовичу, Антону Зелене, Игнатию Жиргулевичу, Ивану Гольману, Михаилу Верейскому, Георгию Мамулянцу, Сергею Бодянскому. Те из руководителей, которым удалось скрыться, были осуждены заочно.

Остальные подсудимые были приговорены к каторжным работам от 4 до 15 лет. Физически измученные, едва державшиеся на ногах, осужденные спокойно, с высоко поднятой головой выслушали приговор.

Горе родных и близких было безгранично.

Защитники, каждый в отдельности и все вместе, подали кассационные жалобы, требуя отмены приговора и передачи дела на рассмотрение нового состава суда. Но классовый враг беспощаден. Кассационная жалоба защиты Главным военным судом была отклонена, приговор вошел в законную силу.

Теперь царский сатрап граф Воронцов-Дашков, наместник кровавого венценосца на Кавказе, мог разглядеть последний акт исключительного по цинизму и жестокости судебного процесса: в порядке «милосердия» смерть через повешение он заменил медленной смертью на каторжных работах.

Изнуренные годами предварительного заключения в ожидании приговора, измученные тремя судебными процессами, большинство осужденных не выдержали нового испытания. Они погибли в царских казематах и рудниках раньше, чем взошла великая заря над страной, которую они любили и за которую отдали жизнь.

* * *

Новороссийский Совет рабочих депутатов, несмотря на кратковременность своего существования, превратился в орган вооруженного восстания революционной власти и провел ряд революционно-демократических преобразований, возможных в пределах одного города. В. И. Ленин подчеркивал, что «революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») все государственные дела, и прятать тут голову под крыло — верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д.»¹.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 70.

Революционные события в Новороссийске с особенной яркостью подтвердили на практике правильность теоретических положений большевистской партии о движущих силах и тактике пролетариата на всех этапах буржуазно-демократической революции в России.

Деятельность Новороссийского и других Советов рабочих депутатов в 1905 году как органов революционной власти имела большое значение для последующей революционной борьбы рабочего класса. Опыт Советов по установлению революционным путем 8-часового рабочего дня, контроля над промышленными, железнодорожными и бытовыми предприятиями и торговыми заведениями, а в ряде случаев захвата их, по ликвидации старых органов власти и созданию революционных органов народной власти был широко использован рабочим классом в период Февральской буржуазно-демократической революции и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

«Если бы народное творчество русской революции, — писал В. И. Ленин, — прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917-го года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы...»¹

Новороссийские рабочие и все трудящиеся свято хранят воспоминания о героическом прошлом своего народа, о революционном подвиге своего старшего поколения. Мужественную борьбу своих земляков с царизмом в период первой русской революции трудящиеся Новороссийска под руководством Коммунистической партии приумножили ратными и трудовыми подвигами в годы гражданской войны, в период строительства социализма, Великой Отечественной войны. Ныне трудящиеся Новороссийска вместе со всем советским народом претворяют в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС и успешно строят коммунизм.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 67.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. НОВОРОССИЙСК НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУС- СКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОТ «КРОВАВОГО ВОСКРЕ- СЕНЬЯ» ДО ВСЕОБЩЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЛИ- ТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ 1905 ГОДА	13
Глава II. ОКТЯБРЬСКАЯ И НОЯБРЬСКАЯ ЗАБА- СТОВКИ. УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ НОВОРОССИЙ- СКИХ БОЛЬШЕВИКОВ НА ШИРОКИЕ МАССЫ	40
Глава III. БОРЬБА РАБОЧИХ НОВОРОССИЙСКА ЗА НИЗЛОЖЕНИЕ МЕСТНЫХ ЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ	65
Глава IV. ЗАХВАТ ВЛАСТИ НОВОРОССИЙСКИМ СО- ВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ЕГО РЕВОЛЮ- ЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	86
Глава V. ПАДЕНИЕ «НОВОРОССИЙСКОЙ РЕСПУБ- ЛИКИ»	126

Сокольский, Владимир Дмитриевич

«НОВОРОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА». Совет рабочих депутатов
Новороссийска в 1905 году. М., Соцэкгиз, 1963.

136 с.

9 (С) 173

Редактор *Л. Петров*

Младший редактор *Г. Пылаева*

Оформление художника *Ю. Бажанова*

Художественный редактор *Г. Чеховский*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *С. Новичкая, Л. Севастьянова*

Сдано в набор 17 декабря 1962 г. Подписано в печать 5 марта 1963 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 2,125. Печатных
листов 6,97. Учетно-издательских листов 6,61 Тираж 3000 экз.
А01026. Цена 20 коп. Заказ № 536.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Мосгорсовнархоза.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

65177 З-1340